

Я тебя так ненавижу,
что, наверное, влюблюсь

2

Маша Гладыш

Маша Гладыш

**Я тебя так ненавижу, что,
наверное, влюблюсь. Часть 2-я**

«Автор»

2026

Гладыш М.

Я тебя так ненавижу, что, наверное, влюблюсь. Часть 2-я /
М. Гладыш — «Автор», 2026

Меня зовут Маша, и я всегда получаю, то что хочу. А хочу я проучить своего подчиненного - талантливого искусствоведа Андрея Николаева, который удумал уволиться из галереи накануне важного проекта. Кто же знал, что "уволиться" он решил аж на двести лет назад, а я случайно увяжусь за ним? Там, двести лет назад, у Николаева есть все: особняк, титул и невеста. А я всего лишь старая дева, которая отчаянно мечтает вернуться домой. И я всегда получаю то, что хочу. Кажется, я влюбилась в этого надменного аристократа из прошлого. Но приручить меня не так-то просто. Я сбежала от своей любви, но он сделает все, чтобы меня вернуть. От автора: 2-я заключительная книга цикла.

© Гладыш М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 глава	5
2 глава	8
3 глава	10
4 глава	14
5 глава	16
6 глава	18
7 глава	20
8 глава	22
9 глава	24
10 глава	26
11 глава	28
12 глава	30
13 глава	33
14 глава	36
15 глава	39
16 глава	42
17 глава	44
18 глава	46
19 глава	48
20 глава	49
21 глава	51
22 глава	53
23 глава	55
24 глава	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Маша Гладыш

Я тебя так ненавижу, что, наверное, влюблюсь. Часть 2-я

1 глава

Спустя три недели пребывания в Москве Алексей Александрович Николаев понял, что безнадёжно влюбился.

В первые дни дядюшка его, следуя указаниям двоюродного (или троюродного, или четвероюродного — это как считать) племянника, полученным письменно и не допускающим иного понимания, кроме как строгого и неусыпного контроля за непутевым родственником, держал Алексея взаперти и не допускал до его дверей свою юную дочь, дабы её слуха не донеслась грубая, если не сказать грязная, брань, вылетающая из уст юноши, воспитанного самой Ольгой Павловной Николаевой, которую Анатолий Фёдорович хоть и видел всего пару раз за всю жизнь, но боялся и уважал до смерти. Тьфу, тьфу, тьфу. Вспомнил, нечистую. Не к добру.

Однако постепенно молодой Николаев успокоился и, казалось, смирился со своей судьбой, что тронуло доброе сердце Анатолия Фёдоровича, и он впервые позволил Алексею отзавтракать с его семьёй.

Так и произошла судьбоносная встреча Алексея Александровича и Полины Анатольевны, которая, без сомнения, будет иметь наиважнейшее значение для всего дальнейшего повествования в целом, и судьбы Марии Игоревны, известной в узких кругах, как Глинской, в частности. И, кто знает, если бы Анатолий Фёдорович мог предвидеть такой исход, позволил бы сей достойный господин двоюродному (да даже если и четвероюродному) племяннику в то злополучное утро вкушать яйцо всмятку в его в высшей степени достойном жилище.

Анатолий Федорович Милосердов приходился не то троюродным, не то четвероюродным братом Александру Петровичу Николаеву.

Милосердовы в прошлом веке перешли в стан паршивых овец, чему в душе сам Анатолий Федорович был несказанно рад.

Дело том, что прабабка Анатолия Федоровича, которая приходилось родной сестрой (кажется) прадеду Александра Петровича Николаева, вышла замуж за Фёдора Милосердова и родила от него ребёнка, не проявившего в положенный срок никаких талантов к телепортации. Худшие опасения подтвердились, когда после помолвки с благородной Анастасией Соболевой, он и не подумал перенестись, как все прочие нормальные члены его семьи, в будущее. Разъярённые несостоявшиеся родственники Соболевы помолвку, разумеется, разорвали, и со временем Коля Милосердов женился на порядочной, но обычной девушке Надежде.

И была ещё надежда (недаром ему подобрали невесту с таким именем), что способности вновь обнаружатся у потомков невезучего Фёдора Милосердова, но до сего момента им — надеждам на Надежду — не суждено было сбыться.

Дети рождались крепкие, здоровые, но совершенно бездарные к перемещениям и потому неинтересные сообществу особенных семейств.

И слава Богу.

Сам Анатолий Федорович был счастливо женат на милейшей Ефросинье Андреевне, чей ум был не засорен вечными знаниями, а плечи не отягощены ответственностью за человечество.

Поэтому и единственную дочь Полину Анатолий Федорович растил в блаженном неведении. Меньше знает, крепче спит.

Все прочие особые семьи Анатолия Милосердова откровенно призирали, на собрания свои

особые не приглашали, проблемами мирового устройства не донимали.

И слава Богу!

Все, кроме, невесты почему, семейки Николаевых.

И все-таки, если бы не врожденная доброта Анатолия Федоровича, которая распахнула двери его дома и, как следствие, сердце его дочери перед юным Алексеем Александровичем, то можно было откровенно и твердо заявить, что странная дружба с Николаевым-старшим не слишком нарушала душевный покой старика Милосердова.

Старику, к слову сказать, было сорок пять лет, и выглядел он чуть старше своего возраста только потому, что добрые люди всегда стареют быстрее, чем злые.

Своими наивными добрыми глазами, которые окружали тоненькие, игривые морщинки, он рассмотрел очевидную даже для самого распоследнего слуги влюбленность между молодыми людьми, когда уже решительно ничего нельзя было сделать.

Но сдаваться без сражения обычно не склонный к боевым действиям Анатолий Федорович на сей раз не собирался.

Этот союз мог стать угрозой хрупкого благополучия его семейства, ведь, во-первых, Полина узнала бы нежно оберегаемую отцом тайну своего происхождения, а, во-вторых, могла дать потомство, способное вернуть Милосердовым расположение и интерес особых семейств.

Единственно поэтому добрейший Анатолий Федорович решил разлучить молодых, а пылкий и влюбленный по уши Алексей, заметил охлаждение к нему будущего, как он надеялся, родственника, и стал придумывать способ, как воссоединиться с возлюбленной, обойдя (или, по-иному, забив благополучно на...) обязательства, наложенные на него рождением (о, бедная, бедная Ольга Павловна).

Именно эти думы штриховали печалью его лицо, когда, прогуливаясь по Тверскому бульвару, от вдруг услышал тихое «пссс».

В первый момент Алексей не придавал этому «пссс» особого значения. Когда «пссс» повторилось, он рассеянно решил, что какой-то хозяин подзывает к себе разгулявшегося пса, и не прервал ни своей прогулки, ни тяжелой для его юной и беспечной головы думы.

Тогда «пссс» стало раздраженным, а из-за толстого ствола дуба, которому недолго оставалось стоять на своем месте, появилась женская рука в перчатке. Руке повезло (или ее обладательница четко рассчитала момент появления юноши), но она крепко схватила Алексея за рукав и притянула к себе.

Не ожидавший нападения Алексей успел только охнуть от удивления.

Но еще больше он удивился, когда оказался лицом к лицу с красной от ветра, холода и досады Марией Игоревной Глинской.

— Вы?! Тут?! — выпалил растерянно Алексей, и мысль его тут же бешено заработала в другом направлении. — Как вы меня нашли?

Ему, что толку скрывать, льстила страсть, которою он разжег в сердце этой очаровательной (но не такой, конечно, очаровательной, как Полина Милосердова, отругал себя Алексей за то, что отметил достоинства другой) женщины. Презреть стыд, условности, само общество и броситься искать его в огромной Москве! Какая женщина! И ведь найди она Алексея до того, как он, отпив кофе, встретился с лукавым взглядом Полины Анатольевны, то сейчас, верно, не было бы более счастливого человека, чем Алексей Николаев.

Как романтичен и возвышен был бы этот момент воссоединения возлюбленных! Сам Карамзин — да что там старик Карамзин — сам Жуковский не смог бы пройти мимо такого сюжета.

Но... увы... Мария Игоревна прибыла слишком поздно. Ведь теперь уже ничто (ничто, ничто и никто — проговорил Алексей про себя, не сводя глаз с припухших губ Марии Игоревны) не способно изгнать из его сердца образа милой Поленьки.

— Но как вы тут?! Как вы меня нашли?

А вот это был хороший вопрос. Чтобы разыскать Алексея, Маша не один день провела поблизости самых модных мест старой Москвы, вычислить которые не составило особого труда даже без специального исторического образования. И просто отлично, что Москва начала девятнадцатого века такая маленькая. Во истину деревня! В современном Маше мегаполисе пришлось бы повозиться.

Впрочем, в двадцать первом веке Маша бы особо и не заморачивалась. Поручила бы все заботы Егору, и уже к вечеру адрес Алексея, а то и он сам, лежал перед ней на столе.

И все же, как ни мала была Москва, Маше пришлось по ней побегать. Она едва не взывала от радости, когда после часового стояния (ну, хорошо, и немного прыгания) на месте, где памятник еще не рожденного сейчас Есенина станет одной из главных достопримечательностей Тверского бульвара, узнала в высоком ладном господине беспутного негодяя Алешку!

2 глава

А негодяй Алексей, меж тем, не замечая с каким нетерпением, иронией и презрением одновременно смотрит на него Маша, продолжал размышлять вслух:

— Конечно, я ценю вашу храбрость и отчаянность, которая, как мне кажется, не свойственна барышням моего времени...

«Это он Евгения Онегина ещё не читал», — перебила его мысленно Маша.

— ... и я не могу не отметить, что со времени нашей последней встречи вы стали ещё краше..., — «разумеется, девушкам очень идет, когда все, кому не лень, пытаются их убить!» — однако я, как честный человек..., — «Чего?!» — должен вас предупредить. В моей жизни произошли некоторые изменения..., — Маша уже хотела остановить бессмысленный речевой поток, и потом долго радовалась, что не сделала этого. Алексей, в свою очередь, узнав подробности и истинную причину Машиного появления в Москве, ругал себя на чем свет стоит за болтливость. — Только здесь в Москве, неожиданно для себя, не желая того и не ища такого счастья, встретил ту, которая, я надеюсь, станет подругой моей до конца жизни!

Выпалив столь длинную и витиеватую фразу, Алексей, вспотел. Впрочем, есть основания предполагать, что испариной он покрылся не от усилий и волнения, а от страха публичного скандала, который может заткнуть девица, привезенная братом Андреем из будущего.

Но Маша, несмотря на все неудобства, которые продолжала испытывать, стоя на холоде, не смогла сдержать смех при виде покрасневшего шеей и ушами Алексея.

— Вот свезло кому-то! — расхохоталась она так громко, как совершенно точно не пристально смеяться благовоспитанным девушкам в центре Москвы начала девятнадцатого века. Алексей, приняв Машино веселье за попытку подавить истерику, скромно потупил взор — что же он поделать может, если вызывает у девиц столь сильные эмоции. — И кто же эта счастливица? — скорее автоматически, чем действительно предполагая, что ответ сыграет в будущей в ее судьбе значительную роль, спросила Маша.

Алексей, все еще не уверенный, что Мария Игоревна оправилась от шока и готова принять горькую правду, ответил уклончиво.

— Дочь моего дальнего родственника, в доме которого я остановился, — «остановился!» Нет, голубчик, тебя привезли в этот дом связанного, злого и влюбленного в ту, что теперь стоит перед тобой.

Но и эти мысли Маша оставила при себе. Их светская беседа и так затянулась. Пора опускать мерзавца похотливого на землю.

— Ну совет да любовь, флаг в руки и горячий кирпич под зад, — Алексей не до конца понял, что Маша имеет ввиду, поэтому глупо улыбнулся в ответ. — Ты мне нужен...

— Но я уже сказал, — вяло запротестовал Алексей, только Маша на этот раз быстро его остановила.

— Да успокойся уже — не покушаюсь я на твое комиссарское тело! Мне помощь твоя нужна. Если бы не особые обстоятельства, ни за что бы ни к одному из вашей чёртовой семейки ни в жизнь бы не обратилась, — Маша врала. Врала самой себе. И чем больше она с ненавистью думала о Николаевых в целом, тем больше скучала об одном конкретном Николаеве. И это ее просто выбешивало.

— Какие особые обстоятельства? — Алексей, хоть и захлебывался от тщеславия и самолюбленности, дураком все же не был. Он сразу почувствовал, что «ничего хорошего» слова «особые обстоятельства» ему не сулят.

Если честно, то Маша была не готова столкнуться в своей любимой Москве с этими самыми «особыми обстоятельствами», как, впрочем, и Агафья, которая хоть и прожила в девятнадцатом веке на тридцать с лишним лет дольше Маши, но в Москве бывала лишь про-

ездом и, ее визиты были столь краткими, что ничего понять про москвичей того времени, она не успела.

А ведь надо было просто читать классиков. Грибоедов наше все. Но «Горе от ума» обе путешественницы читали давно, в рамках школьной программы. А зря. Тогда бы, кто знает, еще в дороге подумали, что станут делать по прибытии в столицу — без документов, связей, рекомендаций и знакомств.

Не говоря уже о том, что с ними, изо всех сил вцепившись в Агафью, в Москву приехала беглая крепостная.

Так-то при желании Николаевы могут Машу и в тюрьму упечь (неужели он на это способен? Ага, с другой стороны, вспомни, как сама его чуть снотворным на тот свет не отправила! Эх, сложная штука — эти настоящие чувства).

Разумеется, Маша не думала, что нарушает закон, когда усаживала ошарашенную Дарью в ворованные дрожки своего несостоявшегося жениха Бархатова.

Про дрожки — понимала, про Дарью — смутно. Поэтому от дрожек «три грации» были вынуждены избавиться еще при подъезде к Москве, а вместо этого нанять до ближайшей гостиницы извозчика.

Но от Дарьи избавиться Маше не позволило ее благородное сердце. И немножко совесть.

Впрочем, как выяснилось, Дарья далеко не единственная их проблема. Оказывается — и как только Маша могла об этом забыть! — женщина в девятнадцатом веке не обладает практически никакими правами, особенно если за ее спиной не стоят богатые и знаменитые родственники. Проблемы начались, едва они зашли в гостиницу...

— Как особые обстоятельства? — нетерпеливо повторил свой вопрос Алексей, у которого радость первой встречи, быстро сменилась досадой, которой он не хотел омрачать ни этот день, ни свою юность.

— Ты должен срочно найти хорошего врача, во-первых, помочь за нормальные деньги продать эти чертовы драгоценности, во-вторых, и...

— И всего-то? — циник, о существовании которого пылкий Алексей и не подозревал. наконец, открыто дал о себе знать

— Нет, не все, — плевать Маша на его нежные чувства хотела. — Ты поедешь с нами в Питер и поможешь вернуться домой в будущее. Только, — она угрожающе и предостерегающе одновременно подняла палец. — Чтобы никто из твоих об этом не знал. Особенно брат.

3 глава

Маша всерьез не думала, что Николаев будет ее преследовать. Он, наверное, уже много раз пожалел о своём предложении, которое сделал в благородной порыве. И не дал бы задний ход, даже если сама мысль о том, чтобы связать свою жизнь с Машей, казалась ему отвратительной и невыносимой.

Выбор его был не прост — предать то, во что он верил с младенчества и ради чего жил все тридцать с лишним лет, или бросить в беде, попавшую из-за него в прошлое Машу (хотя это как посмотреть, конечно). И как истинный рыцарь, Николаев не мог выбрать ни что иное, как жениться на взбалмошной хладнокровной эгоистке Маше Глинской.

Не раз в эти дни, вспоминая радость и лёгкость которые испытала, когда он предложил пожениться, Маша думала, а приняла бы она его благородную жертву, если бы не подвернулся шанс вернуться домой? И не находила ответ. Очень не хотелось думать о себе ещё хуже, чем есть на самом деле.

И все же Николаеву нечего знать, что она закончилась с его младшим братом. Ему теперь вообще ничего о ней знать не надо.

О своём брате и тем более о просьбе Марии Игоревны сохранить её визит в тайне Алексей думал в последнюю очередь. Его не столько удивила просьба бывшей возлюбленной, сколько разочаровала. Теперь придётся искать причины, по которым он ей откажет, ведь не взваливать же на себя ответственность за эту женщину. Поможешь один раз, потом не отвяжешься. Они же такие беспомощные, такие слабые, такие бедненькие эти женщины. Ничего без мужчины не могут.

— Мария Игоревна, это так неожиданно. Но вы должны понять, — он не сомневался, что Маша должна его понять. Женщины такие чуткие! — Я никак, совершенно никак не могу поехать с вами в Санкт-Петербург! Моя избранница весьма впечатлительная девушка, а её отец так не расположен ко мне, что любое препятствие, особенно столь жестокое, как разлука, может разрушить наше счастье! Вы же понимаете, дорогая, нежная Мария Игоревна?

«Вот гад!», — подумала нежная Мария Игоревна и сощурилась. Этот ее взгляд означал верхнюю степень ярости, после которой Маша могла пойти на все ради достижения своей цели. Но Алексей, который, увы, знал Машу столь поверхностно, что искренне думал, будто Мария Игоревна вняла его словам и еще чуть-чуть, и слезы брызнут у нее из глаз от окончательного понимания того, что ее чары более не властны над ним, и поспешил достать платок.

— Нет, прошу вас, не надо слез. Я не стою их, поверьте. Я понимаю ваши чувства ко мне, но увы, жизнь так сложна и непредсказуема, — он философски закатил глаза и упустил момент, когда Маша не сильно, но ощутимо пихнула его грудь, чтобы привести в чувство.

— Эй, — уже совершенно другим тоном обиженного гимназиста воскликнул Алексей. — Больно же!

— Еще не больно, — хмыкнула Маша. — Но обязательно будет больно, если ты не замолчишь, перестанешь нести чушь и уяснишь, что я от тебя прошу, — Алексей, как уже было сказано, от идиотизма не страдал, поэтому, не переставая удивлённо хлопать глазами, в глубине которых затаилась обида на Машу, тем не менее, замолчал. — Да, ты прав, раньше я испытывала к тебе целую гамму чувств, среди которых презрение, разочарование и желание треснуть как следует по кумполу занимали не последнее место. Но это все в прошлом. Сейчас мне нужна просто твоя помощь. Врач, деньги и связи. Все. Совсем чуть-чуть, как видишь.

— Чуть-чуть, — повторил Алексей, не зная, как реагировать. Разве что рассмеяться. — Это невозможно, исключено. Да и денег у меня свободных нет. Это вам, Мария Игоревна, как раз к моему брату и надо.

— Деньги есть у меня, — с досадой отметив, что покраснела против воли при упоминании Николаева, сказала Маша. — Точнее драгоценности, которые мы можем превратить в большие деньги. Но не можем.

— Это как так? — не понял Алексей.

Маша разозлилась. Да что поделаешь, если в просвещенном девятнадцатом веке каждый, буквально каждый готов осудить и обмануть бедную одинокую женщину.

Неприятности началась ещё в гостинице. Наличных было в обрез, и Маша решила пару ночей перекантоваться в дешёвых номерах за пределами Земляного города (это в ее время квартиры в этом районе стоят, как все теткины драгоценности, а в девятнадцатом, если ты не монахиня, появляться тут без сопровождения мужчины, дюжины слуг и шикарной тачки (то есть, кареты, конечно) все равно, что сразу написать у себя на лбу «гулящая девка».

Судя по всему, именно за даму такого сорта и принял её хозяин гостиницы, которую и гостиницей назвать нельзя. Постоянный двор, в лучшем случае.

Денег, которые Маше удалось захватить с собой, с учётом, что ранее они потратились на извозчика, хватило на оплату двух ночей на этой помойке, где клопы падают на постояльцев, не дожидаясь, пока те выключат свет. Правда, хозяин намекнул, что ежели Маша или ее спутница (есть версия, что намекал он все-таки на Дарью, а не на Вилену) будут с ним ласковы, то он позволит, видя их бедственное положение, остаться в его шикарных апартаментах подольше. На что Маша, как могла ласково объяснила старому развратнику, куда ему в его возрасте следует ходить в поисках удовольствий. И хотя слова этого хозяин не знал, но догадался, что любви и ласки от странных гостей не дожждётся, и выставил их вон ровно две ночи спустя.

К этому времени Маша уже поняла, что никакие несметные богатства не исправят того досадного недоразумения, что она родилась девочкой. Сбыть драгоценности по нормальной цене в этой дыре оказалось невозможно. И Маше пришлось расстаться с золотым колечком Софьи Петровны за сущие гроши, да поскорей уносить ноги от ростовщика, ибо, как только она начала орать на него, обвиняя в мошенничестве, он сам, ничуть не смущаясь, заявил, что сама барышня, видать, из девиц бывалых, история колечка сомнительная и, возможно, господам полицейским будет интересно ее узнать.

Вот только полицейских Маше и не хватало. Поэтому, подобрав юбки, она свинтила оттуда, на ходу обдумывая план «Б».

— Алексей Александрович, вы поможете, — Маша вновь перешла на светский тон, — продать нам драгоценности по достойной цене. Поверьте, я бы ни за что не стала прибегать к вашей помощи. Но врача без денег в этом чёртовом городе не найти. А тот, что найти, даже смерть определить с первого раза не сможет. И короче, чтобы наша беседа текла веселее, хочу со всей ответственностью заявить, что, если вы мне не поможете, я пойду к бедной девушке, которая, к своему несчастью, стала новым объектом вашей страсти, и расскажу, как вы хотели обесчестить меня — бедную сироту, за которую и постоять некому. Но ведь у вашей возлюбленной есть отец, верно? Он наверняка вызовет вас на дуэль и убьёт.

Хотя у Алексея и возникли сомнения относительно дуэльных талантов своего дальнего родственника, который по совместительству являлся отцом дамы его сердца, перспектива объяснения с ним, а тем паче мысль о слезах милой Поленьки, смахнули остатки светской учтивости с красивого лица младшего Николаева. Он уродливо покраснел, но не равномерно, а пятнами, которые особенно затронули его нос, подбородок и лоб. И весь он сделался похожим на взбесившегося кролика, приготовившегося к атаке на волка.

Сходство особенно усиливалось из-за отвисшей от неожиданности челюсти.

Свирепо и необдуманно он сделал к Маше, стоявшей вплотную у дерева, короткий шаг, лишивший ее возможности извернуться и убежать, но никак не повлиявший на Машино настроение.

Не опустив глаз и не дрогнув, Маша только поморщилась.

— Алексей Александрович! Что вы на завтрак кушать изволили? Фу-фу-фу, — она подняла руку к лицу, а локоть уперся в грудь Алексея и легошенько его оттолкнула. — Чего вы надо мной нависли? Дратся собираетесь? Не советую. Так просто вам со мной не справиться, а со стороны будет выглядеть очень странно наша потасовка. Боюсь, она нанесет больше вреда вашей репутации, чем моей. Не забывайте, что я для вашего времени единица несуществующая.

Алексей уже и сам одумался, отошел и со злостью сказал.

— Еще чего не хватало. Мы — Николаевы — дам не колотим, — «Хотя очень хочется», мысленно закончила за него Маша. — Одного не пойму. Зачем вам врач понадобился? Вид у вас вполне... вполне... цветущий, — долго он подбирал слово вместо того, что так и стремились вырваться наружу.

Что правда, то правда. Ни долгое путешествие в обдуваемых со всех сторон дрожжах, ни проживание в холодных комнатах, кишящих клопами, не подкосили Машино здоровье. Спасибо витаминам и трепетному ее отношению к собственному организму, регулярным обследованиям у лучших московских врачей и своевременной сдаче анализов.

Гораздо больше она беспокоилась за Агафью. В ее возрасте такие путешествия могут оказаться смертельно опасными.

Однако и Вилену спасла далекая от них теперь (как, впрочем, и от Маши, где бы она ни находилась) советская медицина.

А вот Дарья не выдержала. Легкий жар, который заметила у девушки Вилена на второй день после прибытия в Москву, сменился лихорадкой, уложившей Дарью в постель и сделавшей невозможным их дальнейшие передвижения.

Так что, как вы, теперь зная все, видите сами, только действительно крайние обстоятельства заставили Машу прибегнуть к помощи Алексея. Либо так, либо продолжить отдавать за бесценку теткыны сокровища, похоронить, в конце концов, девчонку, упустить драгоценное время и, как следствие, очередного путешественника в милый Машиному сердцу двадцать первый век.

Был, правда, еще один вариант. Маша могла вернуться к Николаеву. Уж он бы точно не бросил ее в беде несмотря на то, что она сбежала от него, и глазом не моргнув (на самом деле, моргнув). И, может, в глубине души она хотела, чтобы обстоятельства вынудили ее (против воли, разумеется) воспользоваться помощью Андрея Александровича.

Но, нет. Пока не поздно, надо спастись. Пока Маша любит себя больше, чем Николаева, она в безопасности. И пусть так все и остается.

Только очень бы не хотелось, чтобы за ее упрямство глупышка Дарья, по Машиной инициативе покинувшая имение Николаевых, поплатилась жизнью. А, она, судя по той картине, которую Маша наблюдала перед выходом из дома, была к этому поворотному событию близка как никогда.

— Алексей, — Маша облизала губы, опустила голову и включила режим «самой невинности». — Пока мы с вами тут тратим время на пустяки, может погибнуть хороший человек. Я не хотела вас шантажировать (и это правда — изначально Маша планировала его подкупить, а но Алешка сам ей козыри передал), просто.., — Маша шмыгнула носом, что в ее понимании символизировало слезы раскаяния. — Мне так страшно. Я никого тут не знаю. И мне так нужен врач...

Лицо Алексея постепенно приобретало привычный оттенок. Плачущие женщины — это нормально. Это вполне вписывалось в рамки его неглубоких познаний в области женской психологии.

— Хорошо, Мария Игоревна, я найду вам врача и завтра же пришлю...

— Сегодня, Алексей Александрович, позарез сегодня надо, — твердо поправила его Маша.

Алексей помялся, но в конце концов, согласно кивнул. Если честно, он испугался, что Мария Игоревна опять прибегнет к шантажу, и он, соглашаясь ей помочь, будет выглядеть крайне уныло.

— Тогда, с вашего позволения, я откланяюсь, чтобы более не терять драгоценные минуты...

— Погодите, — оборвала его Маша, одной рукой хватая за рукав, а другой извлекая из сумочки сложенный вчетверо лист бумаги. Сюда она переписала имена тех, кого ей предстояло найти в Петербурге, когда они устранят все бытовые недоразумения.

— Вот, — она протянула лист Алексею. — Мне нужно найти этих людей. Срочно. Благодаря их скорой помолвке я смогу вернуться домой. Вы знаете их? — живо спросила Маша, увидев, как поменялся в лице Алексей Александрович, едва развернул лист и прочел написанные на нем имена.

Алексей, онемевший от потрясения, не смог даже кивнуть. Имя мужчины он прочел вскользь, а невеста была ему хорошо знакома. Но быть этого не может. Его Поленька помолвлена? Нет, нет. Он бы знал. Она бы сказала...

4 глава

Не успела Маша охнуть, как Алексей, спешно сложив лист, сунул его за пазуху.

— Эй! Куда?! — возмутилась Маша, но на сей раз Николаев-младший был непоколебим.

— Я разужнаю все про эту парочку и сообщу вам. А теперь, позвольте все же откланяться. Спешу исполнить ваше поручение.

Маша, глядя в спину стремительно удирающего Алексея, нахмурилась, выждала минуту и помчалась следом, стараясь, с одной стороны, остаться незамеченной, а, с другой, не упустить этого спринтера из вида.

Как же, доктора он побегал искать! А то Маша не увидела, как он перевозбудился, едва прочитал имена брачующихся. Что-то тут не так. Маша ни секунды не сомневалась в Алексее. Доверять ему нельзя.

К счастью для Маши, Милосердовы жили неподалёку от Тверского бульвара, ибо она понятия не имела, что будет делать, если Алексей возьмёт карету (жаль, что в девятнадцатом веке не было аналога приложения экстренного вызова извозчика). Но он, ни разу не оглянувшись, сделал несколько петель по безлюдным и в Машино время закоулкам, извилинам, параллельно Тверской улице, и скрылся за высокими воротами с изящным растительным орнаментом, где в глубине роскошного, но облысевшего теперь сада раскинулся трехэтажный особняк.

Но и Алексея, и Машу потревожил его вид.

Дом Милосердовых сиял огнями, а суетно мелькающие в окнах силуэты наводили на две мысли: либо его обитатели готовятся к балу, либо внутри что-то случилось.

К Алексею, едва он вошёл, кинулась заплаканная Поленька. Ах, как хороша была она в своём отчаянии. Еще никогда ее обычно счастливые смеющиеся глаза не выглядели так завлекательно, как в этот момент абсолютного горя. Ложь, совершенная ложь, что блондинкам не к лицу слезы. Или, быть может, речь идёт про обычных блондинок, про тех, кто и мизинца не стоит прекрасной Полины Милосердовой?

Невольно залюбовавшись, Алексей не сразу расслышал полный девичьего страдания шепот своей любимой.

— Нас различают, Алексей, мы не можем быть вместе! — рыдала Поленька. — Отец застал меня врасплох внезапным вопросом, и я не смогла ему солгать. Теперь же мы с маменькой уезжаем.

Алексей, ещё не до конца порозовевший после предыдущего, повергшего его в шок известия, вновь лишился краски на лице.

— Уезжаете?! Но как? Куда? Когда?

— В Петербург! — прогремел, насколько он вообще мог греметь в исполнении Анатолия Федоровича ответ с вершины главной лестницы. Поленька ойкнула, но проявила решимость не покинуть своего поста возле возлюбленного. — Немедленно! Сейчас! Ишь, чего удумали, — уже совсем привычным, с нотами мягкой добросердечности добавил старик Милосердов. — Любовь у них, — он поднял руку, точно хотел замахнуться на Алексея, но передумал и, в безнадежности опустил ее.

Полина Анатольевна заплакала пуще прежнего, от чего у Алексея сжалось сердце и во сто крат возросло желание обнять и приглубить свою ненаглядную, но он ни то, что при отце ее не смел позволить такого, да и вовсе в мыслях не имел оскорбить девушку неподобающим поведением.

— Анатолий Федорович! — воскликнул юноша. — Позвольте поговорить с вами наедине, — возможно, в его раненном сердце еще жила надежда убедить добрейшего старика передумать. Но, очевидно, что Милосердов и сам опасался передумать, потому как взвизгнул.

— Не о чем мне с вами, Алексей Александрович, разговаривать! Я уже написал вашему брату, что не могу далее видеть вас в своем доме гостем. Хотя и очень сожалению об этом, — не вынеся вспыхнувшего яростью взгляда Алексея, Милосердов отвел глаза на дочь. — Полина! Иди собирайся! Карета уже вас ждет.

Полина Анатольевна судорожно глотнула воздух, которого ей явно не хватало, повиновалась отцу, но на прошептала на прощанье Алексею «я вас люблю и никогда не забуду», придав тому решимости для объяснительной беседы с несостоявшимся тестем.

Когда девица скрылась в комнатах, Алексей, лавируя между мечущимися по дому в скорых сборах слугами, в несколько прыжков достиг той ступени, с которой не успел сбежать Милосердов, в чьи планы никакие душевные беседы, как мы уже упоминали, не входили.

С трудом подавив в себе желание разговаривать исключительно на повышенных тонах, Алексей, подойдя к Анатолию Федоровичу вплотную, спросил.

— Как давно Полина Анатольевна помолвлена? Не пытайтесь отпираться — мне все известно, — однако изумленный взгляд Милосердова заставил его усомниться в том, что сведения Марии Игоревны достоверны.

— Полина не помолвлена! — воскликнул ее удивленный отец. — С чего вы выдумали! — и тут же, чтобы у Алексея не было ложных надежд, добавил. — Но она непременно выйдет замуж. За нормального человека, который не будет иметь никакого отношения к вашим великим делам. Она выйдет замуж за простого богатого и знатного юношу, достойного ее красоты. Поймите меня, Алексей Александрович! — Милосердов с болью в сердце вынужден был стать причиной страданий этих двух прелестных молодых людей. — Только ваша исключительность является преградой для вашей любви! Не будь вы из семейства... ну, вы понимаете... с особыми взглядами на жизнь, — подобрал он, наконец, слова, — я бы и слова не сказал против вашего брака.

Но Алексей его уже не слушал. Сжимая в кармане листок, отнятый у Маши, он размышлял.

Либо Мария Игоревна ошиблась, либо каким-то невероятным образом она знает куда больше о будущем Поленьки, чем сами Милосердовы. Ведь молодой человек, чье имя было начертано рядом с именем его ненаглядной происходил из самой что ни на есть древней «особой» семьи, против союза с которыми так протестовал Милосердов.

Надо срочно найти Марию Игоревну!

Алексей нахлобучил шляпу и выскочил из дома так же стремительно, как полчаса назад сюда вошел.

Маша даже не сильно успела замерзнуть, подкарауливая его, но все же очень обрадовалась, увидев, как он бежит к воротам. Даже удивительно, что он сдержал свое слово.

Однако не успела она перейти дорогу ему навстречу, как откуда ни возьмись, путь ей перекрыла карета с зашторенными темной тряпкой окнами. Когда Алексей подошел к ней ближе, дверца открылась, и сильная рука неожиданно и быстро втащила Николаева-младшего внутрь.

5 глава

Все произошло так стремительно, что Маша спохватилась только после того, как карета, едва не взвизгнув колесами, но всколыхнув осеннюю грязь точно, тронулась с места. Оставалось только всплеснуть руками.

— Ничего себе! А мне-то теперь что делать?

В том, что на ее глазах произошло самое натуральное похищение Маша была уверена, но на данный момент куда больше беспокоилась о судьбе Даши (застанет ли она ее в живых при таком уровне медицины? а еще советскую власть ругали), чем Алексея, который, можно не сомневаться, заслужил, такой поворот в своей судьбе, загуляв с какой-нибудь девицей (не слишком Маша верила во внезапную и чистую любовь «того еще козла» Алексея Александровича), чьи родственники решили не церемониться с расшалившимся баринем.

Поэтому гонимая исключительно корыстными соображениями Маша, попереживав не более секунды (на дольше у нее просто не было времени), подняла юбки и припустила во весь дух за похищенным Николаевым, лихорадочно соображая на ходу, как поступить, когда карета минует все повороты и колдобины, которые сейчас явно мешают ей развить ту скорость, на которую рассчитывали похитители, выскочит на широкую улицу и «поминай, как звали». А вместе с ней улизнет единственное лицо в этой дремучей Москве (что б ей пусто было), которое худо или бедно можно было заинтересовать Машинной судьбой (пусть даже с помощью легкого шантажа).

Но, видимо, в этот день, кто-то на краю Вселенной, в бесконечную силу которой Маша верила, разглядел в бинокль скачущую на глазах у редких, но от этого не менее изумленных прохожих, хорошо одетую барыню, посчитал число ее злоключений за последние недели, сожалелся и столкнул на пути похитившей Алексея Николаева кареты двух пьяных извозчиков.

Маша едва успела затормозить, когда, завернув за очередной поворот, чуть не налетела на задние колеса той самой кареты и совершенно четко услышала брань кучера, которая была предназначена не для нежного женского слуха.

Вынужденная передышка дала Маше возможность лихорадочно подумать.

Она поостереглась самостоятельно кидаться на выручку Алексею, так как понятия не имела, сколько негодяев (или весьма достойных господ) скрывается за черной шторкой. Вместо этого она, пытаясь восстановить дыхание, прошмыгнула мимо окон кареты, ничего замечательного там не увидела и подошла к месту аварии.

Беглого взгляда хватило, чтобы оценить степень адекватности каждого «водителя», и пристроиться рядом с наименее хмельным, стараясь одновременно не привлекать внимания зевак, коих набежало аж штук пятнадцать, и оказаться в непосредственной близости, когда тот выскажет все, что думает о своем коллеге, выдвинет все версии случившегося, и наконец, будет готов следовать, куда ехал.

А надо сказать, спешить ему было уже некуда. Пассажиры и той, и другой задействованной в этом печальном эпизоде стороны, не заплатив, кинули в беде свои колесницы. Но тому извозчику, который был менее пьян, судьба (или Вселенная) уже сделала подарок в виде Маши.

Как только поток его красноречия иссяк, он раза три сплюнул, закрепив таким образом свое право на последнее слово, и вскарабкался на козлы, Маша оказалась тут как тут.

— Вы свободны? — спросила она его как опытный заговорщик опытного заговорщика шепотом.

— А тебе что за... — мужик хотел сказать «а тебе что за интерес?» в пылу недавней ссоры перепутав низкие (особенно после дня проведенного на холодной улице) ноты Машинного голоса с речью рядовой простолюдинки, но обернувшись, проглотил окончание фразы,

стянул картуз и улыбнулся такими изумительно черными и, похоже, никогда не чищенными зубами, что Маша подумала, лучше бы он этого не делал. — Чего изволите, барыня?

Не теряя времени, а еще пуще для того, чтобы пассажиры кареты (а в Машинном воображении там сидело уже человек пять вооруженных до зубов братьев обманутой грузинской прачки) Маша уселась рядом с извозчиком и ткнула указательным пальчиком, который от обледенения не спасала никакая перчатка.

— Видишь ту карету? Да нет, — пальчик заходил из стороны в сторону. — Вот ту, которая сюда ближе. Да, да. Вот она с места теперь тронулась, — Маша обрадовалась, что они с извозчиком смотрят наконец в одном направлении. — Гони за ней! Да так, чтобы тамошний кучер нас не заметил. А упустишь, — Маша состроила самую высокомерную гримасу, на которую была способна, и у нее это легко получилось. — Упустишь — не заплачу.

Кучер, все еще улыбаясь, закивал, распуская вокруг себя перегарные пары.

— Все будет сделано, сударыня. Не извольте беспокоиться. Только может..., — он замаялся, явно не зная, как попросить у суровой барыни денег вперед. — Может для пущей скорости вы мне теперь и заплатите?

Лицо Маши стало еще более суровым и надменным.

— Я тебе для пущей скорости хлыстом сейчас дам, — так высоко, что выше некуда, задрав подбородок, процедила Маша. — Гони! Они вот уже где! Сейчас упустим, — а заметив сомнение в глазах кучера, кинула ему копейку, очень надеясь, что по местному курсу не слишком обогатила пройдоху. — Я что — похожа на нищую? — и когда извозчик тронулся с места, тем самым показывая, что на нищую суровая барыня никак не смахивает, Маша откинулась назад, нашла на сиденье что-то вроде мехового пледа и с облегчением им укрылась.

Как расплачиваться с кучером, Маша придумает позже, ибо та копейка была последним жалким остатком от теткиного кольца.

Тем временем, с противоположного конца города, к усадьбе Милосердовых подкатил другой экипаж. Окна его так же были плотно закрыты. Внутри, прикрыв глаза и старательно не замечая никого и ничего вокруг, сидел Андрей Николаев.

Напротив, нагло закинув ногу на ногу устроилась Елена Дмитриевна Рогинская.

6 глава

Кучер остановил карету, не доезжая до роскошных, украшенных кованными павлинами, ворот (Милосердов любил окружать себя красивыми вещами, будь то балдахин в спальне или причудливый орнамент на въездных воротах). Как раз в этот момент отчий дом покидала безутешная Полина Анатольевна.

Не обнаружив в доме Алексея, она высунула из окна своей картеры еще более, чем ранее в холле, где разыгралась душераздирающая сцена расставания возлюбленных, свидетелями которой мы стали, умытое слезами лицо, и хорошенькие глазки забегали в надежде отыскать милого друга на улице.

Из другого окна с горящим, полным предвкушения взглядом, выглядывала ее матушка. Ох, и давно она в столицу не ездила! Как же чудно муж ее, Анатолий Федорович, придумал!

Не обнаружив и тени Алексея Николаева, не говоря уже о нем самом в полный рост, Полина Анатольевна завывала пуще прежнего, чем окончательно разбила сердце отца.

— Трогай. Быстрее! — крикнул он кучеру, стоя на дороге, не по-осеннему легко одетый и несчастный.

В руке Милосердова был платок, которым он зачем-то махал вслед карете, хотя ни одна из его женщин не оглянулась — у одной сил не было от горя после предательства (как она думала) Алексея, а вторая сгорала от нетерпения, как можно скорее прибыть на место. В Санкт-Петербург!

Проезжая мимо кареты с Андреем Александровичем Полина подняла лицо, и поскольку он тоже по счастливому стечению обстоятельств открыл глаза, то взгляды их пересеклись. И если Николаев испытал лишь мимолетное сочувствие к горю незнакомки (Поленьку он в последний раз видел в столь нежном возрасте, что шансов узнать в красавице маленькую дочь дальнего родственника у него не было), то Полина Анатольевна мгновенно уловила фамильное сходство со своим возлюбленным, быстро сделала неправильный вывод и откинулась назад — кажется в бесчувствии.

Однако же Елена Дмитриевна не упустила случая продолжить беседу, которую Николаев считал завершенной.

— Будьте уже мужчиной, Андрей Александрович! Вы не можете нарушить однажды данное слово! — Николаев поморщился, но спорить с Рогинской не стал.

Он вообще недоумевал, как она оказалась в его карете. Впрочем, он вообще мало что помнил и понимал из событий последних дней.

Его последнее четкое воспоминание — холодные губы и щеки Марии Игоревны, которые он, забывшись, покрывал такими огненными поцелуями, что обязательно растопил бы ее, отогрел, заставил посмотреть на себя другим, пылающим взглядом, если бы не оказалось, что свидание с ней — лишь агония его наследственного дара. И что дар исчезнет именно в тот миг, когда решалась его судьба.

Его разлучили с Машей. Оторвали от нее, подбросили вверх и... Больше Николаев ничего не помнил. Не помнил, как очутился в своем кабинете, не слышал, как пошуршала у замочной скважины, но и не подумала звать помощь Наталья Павловна Рогинская.

Не знал, что обеспокоенная его длительным отсутствием Настя, не спросив ни у кого, что они думают по этому поводу, стащила запасные ключи, открыла кабинет и подняла крик на весь дом, обнаружив своего любимого хозяина без чувств.

К счастью для нее, в последовавшей вслед за этим суматохе никто не заметил ее волея.

Говорят, невеста Наталья Павловна не отходила от его кровати ни днем, ни ночью, но вот что странно — в те редкие минуты, когда Андрей открывал глаза, он видел рядом Настю — неудобно устроившуюся на полу и худеющую день за днем верную Настю.

Окончательно в себя Николаев пришел лишь спустя неделю после бегства Марии Игоревны. Он был все еще очень слаб, но спустился к завтраку, где и узнал новости, от которых его тщательно оберегала Настя.

— А мы, Андрей, — поморщилась Ольга Павловна Николаева — не правильное варенье девки сварили! Дрянь, а не варенье. — А мы отъезд внезапный нашей милой Марии Игоревны Глинской обсуждаем уже который день.

Не только мама, но и невеста, Павел Аполлонович и даже всегда держащая при себе свое мнение Елена Дмитриевна замерли, вперив в него пыливый взгляд, каждый из которых говорил свое: «Ну? Что я говорила — и на ком вы теперь, Андрей Александрович, женитесь? Поторопись, ой, поторопились вы помолвку разрывать», — ехидно поднялась бровь у Натальи Павловны. «Говорила я тебе надо было кончать с этим приبلудышем! Где ты ее теперь, Андрей, искать собираешься? Каких она там дел наделает без нашего контроля! А то, что Дашку с собой увела — не прощу. Это ей так с рук не сойдет, увидишь!» — не дрогнув ни одним мускулом лица пригрозила Ольга Павловна. «Вот и ладно, вот и хорошо теперь все будет. Как надо», — подмигнула — и ему это не привиделось — бесцветная моль Елена Дмитриевна. «Нет ли у вас чего-нибудь покрепче? Знаю, что рано, но такие обстоятельства — сами понимаете...», — скосил глаза в сторону буфета Павел Аполлонович.

Бежать в Москву вслед за Машей Андрей решил тем же вечером. Понятия не имея о наследстве покойной тетки, перепавшей случайно Маше, Николаев был уверен, что Мария Игоревна в Москве без денег, связей, с беглой крепостной на горбу, о пропаже коей собирается заявить (если уже не заявила, пока он был в беспамятстве) его мать, пропадет. Или влипнет в историю.

Нет, пусть она его не любит, и никогда не полюбит. Но бросить ее в беде Николаев не может никак.

7 глава

Избавившись, не без труда, от назойливого внимания родных — настоящих, и тех, кто все ещё планировал ими стать — Николаев уединился в кабинете, чтобы спокойно подготовиться к ночному бегству.

Побегом свой отъезд он считал, так как не собирался никого ставить о нем в известность. Разговор с Рогинскими и матерью обещал быть длинными и непростым, поэтому он решил отложить его до своего скорого, как он был уверен, возвращения.

У Марии Игоревны не будет другого выхода, кроме как прислушаться к голосу рассудка и вернуться с ним в имение Николаевых. К такому выводу Андрей Александрович пришёл после продолжительных размышлений. Оставить её одну в Москве (Николаев молился, чтобы предприимчивая Маша не умудрилась за время его болезни добраться до Санкт-Петербурга) он не мог. Об этом не может быть и речи. Она должна вернуться домой. Но уже, конечно, не в качестве невесты Бархатова (Николаев содрогнулся при мысли, что своими руками хотел отдать свою Машу напыщенному соседу) и, увы, не в качестве его невесты.

Отныне Мария Игоревна будет свободна, каковой и не переставала быть. А Николаев? Николаев будет всегда рядом, чтобы оберегать её, заботиться о ней, содержать и спасать, если в этом возникнет необходимость. А уж она обязательно возникнет, можно не сомневаться, зная Машу.

Кем будет для нее Николаев? Братом, другом — кем она пожелает и позволит ему быть. Он расторгнет помолвку с Натальей Павловной Рогинской — это уже решено бесповоротно — и никогда не женится. Как, скажите на милость, возможно думать о женитьбе, когда голова и сердце целиком и полностью принадлежат Маше? Это будет несправедливо к его потенциальной невесте, в конце концов!

Приняв окончательное решение и стараясь не думать, каких трудов ему будет стоить отыскать Марию Игоревну в огромной Москве, Николаев переоделся в дорожный костюм, написал лишённое подробностей письмо маме, которое, как он был уверен, её нисколько не успокоит, а скорее наоборот, разозлит, и приготовился к отъезду.

Единственный человек, которого он посвятил в свои планы была Настя. Ее он попросил наказать кучеру приготовить карету, да ждать его за оградой, чтобы их ни в коем случае случайно не увидели из окон.

Настя выполнила все в точности, как велел барин, и уже в ночи, закрыв за Андрея Александровичем дверь, и не в силах смотреть ему вслед, от души предалась слезам, которые так часто понапрасну льют девушки по достойным, а чаще недостойным их представителям сильного пола.

Николаев без приключений добрался до смиренно мерзнувшего на указанном Настей месте кучера, забрался в карету и вскоре задремал, как и положено приличным господам в такое неприличные время суток.

Однако же спать в карете, если у кого есть опыт — должны понять, удовольствие относительное, поэтому он недолго оставался во власти морфея, вскоре открыл глаза, и с изумлением (и это самое слабое чувство, которое он испытал!) увидел напротив себя Елену Дмитриевну Рогинскую.

— Вы?! — воскликнул он, приподнимаясь, но тут же естественными причинами был откинут обратно на место.

Елена Дмитриевна кивнула. Николаев сразу отметил, что с ней произошла некая перемена. И если внешне мать Натальи Павловны и тихая супруга Павла Аполлоновича выглядела все так же бледно и уныло, то в глазах её появилась холодная сталь. Так что язык не повернулся бы более называть её «забитой».

— Я, — подтвердила Елена Дмитриевна очевидный факт. — Я здесь, — предвосхитила она неизбежные вопросы. — Я здесь, чтобы уберечь вас от ошибки, которую вы вот-вот совершите.

Уже достаточно придя в себя и найдя объяснение внезапному появлению Рогинской внезапной болтливостью Насти, Николаев с уверенностью в голосе ответил.

— Не думаю, что вы достаточно осведомлены о моих планах, чтобы утверждать ошибочны они или нет. Не буду вас убеждать в обратном, но я абсолютно точно знаю, что делаю.

— Вы только так думаете, дорогой Андрей Александрович! — то, что другая бы произнесла с жаром и напором, у Елены Дмитриевны прозвучало с угрозой. И хотя Николаев не мог её не заметить, напугать его ей не удалось.

— Это пустое. Отложим наш разговор до моего возвращения в имение. Теперь уже, — Николаев взглянул в окно — они, не сбавляя скорости, лихо неслись по лесу, где ранее, изнемогая от холода и усталости гнала лошадей Маша. — Теперь уже поздно поворачивать назад. Но как только мы доберёмся до Москвы, и вы отдохните с дороги, я верю кучер немедленно отправить вас обратно.

Елена Дмитриевна махнула рукой.

— В этом нет необходимости. Я вижу, что слушать меня вы не желаете. Впрочем, я предполагала подобный исход разговора. Но все позвольте уверить вас, что через месяц вы, как и было уговорено, женитесь на моей дочери.

— Прошу меня простить, — прервал ее Николаев. — Думаю, наш разговор рискует зайти в тупик, а по сему позвольте мне немного поспать. Завтра, а, вернее, уже сегодня, день будет трудный.

Николаев закрыл глаза, и, хотя уснуть у него не вышло, не открывал их вплоть до приезда в Москву.

8 глава

— Будьте мужчиной! — воскликнула Елена Дмитриевна, увидев, что Николаев перестал притвориться спящим.

Андрей Александрович поморщился, но спокойно, хотя и приложив для этого усилие (не драться же с дамой!), ответил.

— Вы устали с дороги. Я попрошу хозяина выделить вам комнату для отдыха. А вот и он, — воскликнул с нескрываемой радостью Николаев, увидев Анатолия Федоровича, все еще вяло махавшего вслед уже давно скрывшейся из вида карете. Оставаться далее один на один в обществе Елены Дмитриевны, стало утомительно и странно.

— Я вас предупредила, — прошептала Елена Дмитриевна. Но Николаеву показалось, что она не сказала, а прошипела эти слова. Он обернулся, чтобы ответить, но никого в карете не обнаружил.

Слова «не советую мне угрожать» так и не были произнесены.

Пока Николаев в лёгком удивлении (на самом деле в шоке) пялился на пустое место, где секунду назад сидела Елена Дмитриевна Рогинская, Маша тоже пялилась — в окно, стараясь угадать, куда неизвестный везёт злополучного Алексея.

Пока они петляли по центру старой Москвы, она еще ориентировалась, тем более что некоторые дома умудрились дожить до двадцать первого века. Однако стоило им покинуть пределы Садового кольца, как Маша совершенно потерялась. А, учитывая, что на улице стремительно темнело, то ничего, кроме кое-где встречающихся огородов и довольно продолжительных зеленых участков разглядеть не могла. Оставалось надеяться, что извозчик, невзирая на свое веселенькое состояние, все же не упустит карету с похитителями из виду.

И Маше повезло. Ни наступающий темный осенний вечер, слабо освещаемый уличными фонарями, ни превратности дорог, ни активное в этот час движение, не ослабили профессиональную хватку пьяного извозчика. Едва они покинули пределы Тверской он уже догадался, куда загадочная карета держит путь.

— Сударыня, — не оборачиваясь, чтобы вновь не попасть в неприятную ситуацию с другим каким-нибудь зазевавшимся коллегой. — А вы уверены, что так уж так сильно хотите догнать господ в той карете?

Маша напряглась и наклонилась вперед. Ничего хорошего его тон не сулил. Только очередные неприятности. Впрочем, ей не привыкать.

— А что такое? Что происходит? Давайте, расстраивайте меня.

Расстраивать суровую барышню извозчик не хотел. Но, когда они прибудут на место, есть основания полагать, что она сама, по собственной воле расстроится куда больше.

— Просто сдается мне, сударыня, что друг ваш едет в Марьину рощу, на божедомку.

— Куда? — не поняла Маша, хотя догадалась, конечно, что куда-то в очень нехорошее место.

— На божедомку — старое кладбище. Там всяких самоубийцев и бродяг хоронят. Дурное место, — покачал он головой, сворачивая в очередной переулочек и все более убеждаясь, что едут они именно туда, куда он сказал. — Так, что? Продолжаем преследование или уже другой адрес назвать изволите?

Нельзя сказать, чтобы перспектива оказаться лицом к лицу с неизвестными, похитившими Алешку, в антураже старого кладбища для самоубийц сильно прельщала Машу. Да выхода нет. Нужен ей этот мерзавец живой и здоровый. Ну, ладно, пусть хотя бы просто живой.

— Не изволю. Едем дальше, — твердо сказала она, одновременно думая, помогут ли ей два месяца занятий по женской самообороне, которые она в свое время так легкомысленно

бросила. Впрочем, главное, что хотел донести до нее тренер, она усвоила (как будто без него не знала!) — чтобы не произошло, бей «туда». Ну — «туда».

Извозчик натянул поводья.

— Приехали? — глухо спросила Маша, которой все-таки было страшно.

— Он чуть далече остановился, — отозвался извозчик. И серьезно добавил. — Мы же не хотим, чтобы нас заметили?

Лишний раз поздравив себя с правильным выбором таксиста, Маша, как можно тише спрыгнула вниз.

— Что? — удивился извозчик, — так и пойдете?

— Так и пойду, — кивнула Маша. — А вы меня тут ждите, — приказала она. — Заплачу, когда выберемся отсюда. — «если выберемся», добавила она про себя.

9 глава

Маша шла медленно. Во-первых, не без основания боялась в темноте запутаться в полах своего длинного платья, к которому хоть и привыкла, но искренне считала, что в худи и джинсах сейчас ей было быть гораздо уместнее.

Во-вторых, на нее произвел впечатление рассказ об обитателях старого кладбища, возле которого, если верить извозчику, они остановились. Ее живое воображение тут же нарисовало яму, доверху наполненную непознанными телами, самоубийцами и прочими дамами и господами, с которыми она ни в коем случае не желала встретиться лицом к лицу в случае неудачного падения в бездну.

И, наконец, в-третьих, хоть Маша и храбрилась, но в тайне мечтала, чтобы, пока она как очень осторожная черепаха в припадке храбрости двигается вперед, случилось бы нечто из ряда вон выходящее (например, полицейская облава), которое избавило её от необходимости самостоятельно сражаться с преступником (или преступниками, если окажется, что их несколько).

Размышляя подобным образом, она едва не угодила под колеса той самой кареты с чёрными шторами, за которой так настойчиво гналась.

В последний практически момент Маша отпрыгнула, не удержалась на ногах, упала, влипнув одной рукой во что-то вязкое и мерзкое, а другой едва не поймала за хвост, все же улизнувшую от нее крысу.

Впоследствии Маша понять не могла, как умудрилась не заорать, а только оцепенела от ужаса, в коем состоянии пребывала, пока не убедилась, что ничего существенного с ней не случилось, физически не пострадал ни один ее волос (а моральные раны зализывать время еще не пришло) и досада не стала вытеснить страх.

Как же так? Поторопился ее извозчик высаживать! Видимо, похитителям тоже не приглянулось кладбище, или, того хуже, их кто-то спугнул — и этот «кто-то» ходит сейчас поблизости — поэтому они по-быстрому сделали ноги.

И останься Маша в карете, у нее сохранились бы шансы спасти Алексея. А теперь...

Вытерев испачканную в чем-то отвратительно вонючем (но не таким отвратительным, как хвост крысы) руку о платье, Маша встала в полный рост и тут же присела обратно. Вовремя. В шагах двадцати от места незапланированного свидания с крысой вяло боролись двое мужчин. Причём в одном из них Маша почти сразу узнала Алексея. Высокий рост, силуэт и причёска однозначно принадлежали младшему брату Андрея Александровича Николаева. Но судя по тому, что Маше удалось разглядеть, преимущество было не на его стороне.

Второго джентльмена, старательно мутузившего потомка славного рода Николаевых Маша не узнала, хотя его фигура ей тоже показалась смутно знакомой, отчего приятно и тревожно екнуло сердце.

Непроизвольно сложив руки у груди, Маша закусила губу, искренне болея за Алексея и мысленно придавая ему сил.

«Ну же! Поддай ему! Да не так — в живот, живот бей. Да что же ты не видишь — у него живот открыт! Эх... упс»

Ее телепатических способностей явно не хватило на то, чтобы помочь Алексею, потому как очередной ловкий удар, и младший Николаев был повержен в грязь.

Ещё до того, как незнакомец плюхнулся на него сверху, Маша с воинственным воплем ринулась вперед. Мужчина отвлёкся на боевой клич, раздавшийся за спиной, который, если не вызвал дрожь в его голяшках, то смутил и удивил.

Короче, эта минута промедления дала Маше возможно добежать до театра военных действий и ударить похитителя туда, куда учила бить невысокая, но юркая тренер по женской самообороне.

Не успев подумать, насколько метко она попала, куда целилась, как результат не заставил себя ждать. Бандит взвыл, согнулся пополам, запоздало защищая обеими руками то, что уже можно было не защищать.

Впрочем, бедолага не знал, что на этом его неприятности не окончились.

Откуда-то сбоку раздался ещё один боевой рык и мимо Маши стремительно помчался извозчик, размахивая, как дубинками собственным сапогом. Этот вышеупомянутый сапог он обрушил на голову джентльмена с преступным наклонами, и тот упал на Алексея, который не замедлил присоединиться ко всеобщему вою.

Если на тот момент в районе старого кладбища и вертелись какие-нибудь подозрительные личности, то при звуках этого зловещего хора, поспешили прочь от греха подальше.

Маша с удивлением посмотрела на извозчика, который стоял, опершись на колени, смотрел на поверженного похитителя, бешено вращая глазами, что, должно быть, придавало ему храбрости.

— Денег вы мне должны, сударыня. За доставку. Кто бы отдал, случись с вами чего?

— Аааа...Ну да, верно, — согласилась Маша. — Может, пойдём отсюда, пока этот не очухался, — она с подозрением посмотрела на павшего врага. Все-таки кого-то он ей напоминал. — Да прекратите же орать и вставайте уже! — зло бросила она Алексею и обернулась к извозчику. — Помоги-ка мне его перевернуть.

— Вот.., — выругался он, как извозчик, коим, как мы помним и являлся, и нет необходимости приводить дословно его речь тут. — Может, ещё чаю попьем?

— Попьем, попьем, но потом. А пока помоги мне, — и первой наклонилась к похитителю.

Когда с помощью все еще ругающегося извозчика, который растерял весь свой хмель, Маша перевернула негодяя, то не удержалась и ахнула, прижав руку к ускорившему стук сердцу.

Перед ними, распластавшись на земле в нелепой позе лежал Николаев.

10 глава

Так подумала Маша в первый момент. Но когда она присела рядом, чтобы привести бедолагу, павшего в неравной схватке с сапогом, в чувство, сразу поняла, что обозналась.

Похититель был моложе Николаева — скорее, одних лет с Машей — брови его отличались не свойственной Николаеву кустистостью, губы были, не смотря на бедность, чересчур масляные и пухлые. Одним словом, ничего общего с ее Николаевым. И как она только могла его за Андрея Александровича принять! Наваждение какое-то. Скоро Маша будет черты Николаева искать у каждого встречного фонарного столба.

— Ого! Вылитый Андрей, — рассматривая незнакомца, Маша не заметила, как Алексей перестал, наконец, выть, встал, отряхнулся и также с интересом нагнулся над своим похитителем. — Надо же. Почти одно лицо. Разве что этот господин посвежее да помоложе.

— Ничего общего, — буркнула Маша, поднимаясь. Ей надо было подумать.

Появление в Москве человека, столь похожего на Николаева не может быть случайным стечением обстоятельств. За этим что-то стоит. Что-то, что, быть может, представляет опасность для Андрея.

Маша поймала себя на этой мысли, и чертыхнулась. Ну какое ей, скажите на милость, дело до того, что произошло (вернее, может произойти) двести лет назад? Ее задача добраться до Питера и как можно скорее попасть в бар на Тверской. В знакомый бар на родной ей Тверской.

— Что ему было от вас нужно? — вместо того, чтобы мчаться со всех ног в карету, схватив за шиворот Алексея, спросила Маша.

Младший брат Николаева, налюбовавшись вдоволь на все еще бесчувственного двойника Андрея, отошёл в сторону и, подозрительно оглядываясь в этом действительно не наводящем мысли на спокойном отдыхе после бурной драки месте, разминал давно не работавшие мышцы рук.

— Если бы я знал! — пожал он плечами и поморщился. Все-таки неизвестный господин успел отметить его как следует до появления Маши и ее буйного спутника. — Сначала, когда он втащил меня к себе, я не мог вести беседы, так как он не слишком любезно сжимал мне рот своей ручищей. Справедливо, очевидно, полагая, что я буду звать на помощь. Затем, когда мы приехали сюда, и он отпустил карету, я попытался убежать — и меня трудно упрекнуть в этом намерении, — Алексей выразительно обвел рукой местность, к которой Маша успела уже даже привыкнуть. Еще бы — её окружало столько храбрых господ! — Тогда он набросился на меня сзади, как медведь, и стал убивать. Да вы это уже и сами, полагаю, видели.

— Ну да, ну да! — кивнула Маша, думая о своём. Валить надо отсюда, вот что.

Тем временем, извозчик пришёл окончательно в себя после поступка, о котором он будет рассказывать в красках не только своим детям, но и внукам, как самое яркое событие в жизни, приукрашивая его, как положено, и обновляя подробностями, поднял и, усевшись прямо на землю, напялил на себя обратно сапог, который даже в этом отвратительном месте, источал запахи столь мерзкие, что не зная Маша, откуда они исходят, заподозрила бы присутствие рядом покойника.

— Уходим что ли, господа или будем ласы точить? — уточнил он на всякий случай. — Место тут не самое подходящее для прогулок. Всякие добрые люди с недобрыми намерениями в любой момент вылезти могут. И тут уж я пас. Каждый за себя.

Маша потерла переносицу и решила.

— Ты прав, надо уходить. Берите этого типа, и пошли к карете.

— Чего?! — одновременно уставились на Маша все находящиеся в сознании мужчины. Но и те, что без сознания удивлены были бы не меньше.

— Сударыня, вы того — рассудка лишились, — забеспокоился извозчик. — Этот господин чуток опасен, мне показалось.

— Мария Игоревна! — подхватил Алексей. — В самом деле хватит шутить. Пойдёмте! — и он попытался, было взять Машу за руку, но та яростно вырвала её и, уперев отвоеванную руку в бок, сказала.

— Я без него никуда не пойду. Надо будет — на себе доволоку. А тебе, — прищурившись, она обернулась к извозчику, — тебе не заплачу. Да ещё в полицию сдам. За вождение в пьяном виде.

— Чего? — повторил извозчик со смесью рева и недоумения.

— Того, — огрызнулась Маша, наклонилась и попыталась поднять мужика за плечи, но едва оторвала его от земли.

Первым очнулся извозчик.

— Черт, — выругался он и, добавила от себя ещё пару крепких словечек, значения которых Маша не знала, нехотя пошёл ей помогать.

Скорее за компанию, чем от большего желания, присоединился к ним и Алексей.

Втроем им удалось кое-как поднять его — Маша и Алексей несли его за плечи, а извозчик, захватив подмышками, ноги — и вперёд конечностями донести до кареты.

— Позвольте полюбопытствовать, зачем он вам сдался, Мария Игоревна? Уж не в рабство ли вы его взять надумали? — попробовал сыронизировать Алексей, когда неизвестный господин, озадачивавший сходством с Николаевым, был впихнут в салон.

Тяжело дыша, Маша с сочувствием посмотрела на Алексея.

— Леш, подумайте, плиз. Если мы не узнаем, кто это и что ему от вас надо, он очухается рано или поздно, возьмёт дубинку побольше и пойдёт обратно вас искать. Или кого-то другого, — добавила она тихо, так что Алексей не услышал.

— Сударыня, — зычно позвал извозчик, взобравшись на козлы. — Едем куда?

Ну этот момент Маша успела продумать.

— Сначала к тебе домой — свяжем и запрем там преступный элемент. А потом за доктором. Адрес этот, — она кивнула на Алексея, — даст. Да заплачу я за все. Не бойсь, — уже окончательно успокоившись, ответила Маша ошарашенному наглостью дамы извозчику.

11 глава

Над извозчиком, который какое-то время ещё жарко препирался, Маша, в конце концов, одержала победу. И хотя тащить «всякое отребье» в свой благопристойный, многолюдный, семейный, «между прочем, если кто не знал», дом он отказался, сошлись на том, что до утра пленника продержат в дворницкой, хозяина которой придётся убедить не путаться под ногами известным способом, на что «сударыне надо бы ещё раскошелиться».

Маша охотно согласилась, тем более что ещё не придумала, как выполнит свои предыдущие обещания. Так что одним гривенником больше, одним меньше, не важно уже.

До места добрались без особых происшествий. За исключением незначительного эпизода, связанного с тем, что похожий на Николаева джентльмен пришел в себя, и пришлось изрядно повозиться, связывая его по рукам и ногам подолом нижней юбки. Из них же соорудили кляп, которым приглушили поток проклятий и откровений, не к месту и времени, полившийся из неизвестного господина.

Скрючившись в неудобной позе на короткой узкой лавке напротив Маши и Алексея, незнакомец страшно тарашил глаза, морщин нос, и подавал тысячи других сигналов, свидетельствующих о его крайнем неудовольствии.

— Потом все расскажите, все потом, — успокаивала его Маша, удивляясь, как могла только хоть и на миг, но принять его за Андрея.

— А так вроде и не похож, — точно прочёл ее мысли Алексей, наклонился к задержанному, но тут же отскочил, когда тот попытался его боднуть. — Ну норовистый какой!

— Ага, — кивнула Маша. — Придётся вам, Алеша, помочь нашему новому другу перебраться в свой отель. Боюсь, господину извозчику одному не справиться.

Алексей вздохнул — он порядком устал за этот безумный день, который начинался невинно и многообещающе. Кроме того, его волновала судьба Поленьки — сердце подсказывало, что дома ждут неприятности. Поленька... Алексей немедленно отругал себя, что на целую вечность позволил себе забыть о любимой. Похищение недостойный повод и минуту провести без мыслей о своей фее.

— Хорошо, Мария Игоревна, я сделаю все, как вы хотите. Но вы, прошу, выполните мою просьбу. Расскажите, откуда вы получили сведения о событии, которое, как вы полагаете, решит вашу судьбу?

Маша устало на него посмотрела. Нашёл время говорить красиво. И так голова гудит.

— Леш, скажи нормально. Что ты хочешь узнать?

— Кто сообщил вам о свадьбе Полины Милосердовой и Владимира Зайцева?

— А... это.

И как бы ни было неприятно Маше вспоминать события, которые подарили ей билет в будущее (или, по крайней мере, надежду) она рассказала о том, как в ее руки попала книга из библиотеки Николаевых, и как она в спешке покинула имение, чтобы перехватить Зайцева до момента его перемещения в будущее.

Алексей задумался.

— Бьюсь, здесь все же произошла ошибка. Полина Милосердова не помолвлена, а её отец очень возражает против брака дочери с такими, как мы, перемещенцами. Тут надо бы разобраться.

Маша кивнула.

— Вот вместе и разберёмся. И не вздумайте улизнуть от меня, Алексей Александрович. Нам до поры до времени с тобой по пути.

— Думайте обо мне, что хотите, — сказал Алексей серьезно. — Но вы сегодня спасли мне жизнь. И честь дворянина велит мне вернуть долг.

Не стала Маша уточнять, что за последние недели она порядком насмотрелась на дворян и на их своеобразное понятие о чести. Слишком устала. А ведь ночь все не кончалась.

После того, как под покровом непроглядной тьмы извозчик с помощью Алексея перетащил пленника в дворницкую, откуда после непродолжительных переговоров был выдворен хозяин, поехали за доктором.

Обращаться к Милосердову с просьбой дать адресок семейного врача, Алексей, по понятным причинам, не стал, поэтому пришлось поколесить по спящему городу, пока один из немногочисленных приятелей Николаева не дал им наводку на счастливчика, которому этой ночью не суждено было досмотреть свой десятый сон.

Когда зевающий молодой врач был погружен в карету и, едва коснувшись головой стенки, уснул, Алексей попрощался с Машей.

— Я должен вас покинуть. В доме, где я остановился, думаю, с ума сходят от беспокойства, — Алексей очень надеялся, что там еще есть кому сходить по нему с ума.

Нехотя Маша отпустила его, и уже когда он скрылся, вспомнила, что не попросила денег, о которых красноречивыми взглядами напоминал извозчик.

— Да заплачу я, заплачу. Поехали!

Дарью они застали спящей. Рядом, не выпуская руки несчастной, прикорнула Вилена. Другая ее рука была опущена в таз с водой, которой она пыталась сбить у больной жар.

— Как она? — спросила Маша, когда Вилена, разбуженная ее приходом, открыла глаза.

Положив, сухую руку Дарье на лоб, Вилена неуверенно сказала.

— Мне думается кризис миновал. Но подождем до утра.

— Нет уж, позвольте, — раздвигая женщин едва ли не локтями, сказал дремавший до этого в дверном проеме доктор. — Мы не будем полагаться на случай, раз уж я здесь. Выйдете все — мне необходимо осмотреть больную спокойно.

— Кто это, Маша? — спросила, с недоверием осматривая чересчур молодого с ее точки зрения специалиста, Вилена.

Вместо ответа Маша взяла ее под локоть и вывела в соседнюю комнату.

— Слушай, я полдня провела, чтобы найти этого товарища, и теперь он не уйдет, пока не сделает свою работу. Вот черт, — это Маша воскликнула, подойдя к окну. Во дворе, недалеко от подъезда стояла карета извозчика, а он сам, борясь со сном, сурово рассматривал окна, пытаясь угадать, за которым из них скрывается наглая барыня. — Сколько у тебя денег? — спросила Маша компаньонку, обратно укутываясь в плащ, — Вилена порылась в кошельке и выгребла оттуда все до копейки. — Чудно. Теперь не я его, а он меня в долговую тюрьму упрячет. Придется, мне опять запустить лапу в сокровищницу Софьи. Не против? — в ответ Вилена только пожала плечами — эти деньги она уже давно своими не считала. Маше виднее, как их тратить.

А Маша, тем временем, колебалась. Отдавать какому-то извозчику за проезд украшение, на которое он и его семья смогут жить не один год, но не будут, так как он пропьет их в ближайшем баре, ох как не хотелось.

Покопавшись в тайнике, Маша в итоге приняла решение и яростно надвинула на лоб капор.

— Оставайся здесь и следи за врачом, чтобы не убежал. Я скоро.

Но вернуться домой «скоро» у Маши не вышло.

12 глава

Когда Маша вышла из подъезда, извозчик обернулся и вопросительно на неё уставился.

От бессонной ночи и всех прочих событий, которые, несмотря на его бурную по роду деятельности жизнь, случились с ним впервые после встречи с «удивительной барыней», он выглядел измотанным и злым, но не потерявшим надежды получить свое. А «свое» по его подсчётам накапало в приличном размере. И он не собирался от него отказываться.

— Все, сударыня, приехали? Не изволите расплатиться?

Маша подняла голову, посмотрела на окно, за которым торчало озабоченное лицо Вилены, и на мгновение пожалела, что в последний момент отказалась от идеи брать с собой сокровища Софьи Петровны. Сейчас бы расплатится щедро, вернуться обратно в номер и завалиться в постель, поручив Дашино выздоровление врачу и горе-знахарке с дипломом кандидата биологических наук. Как же Маша устала! Как же болит ее тело. Точно все утро она после долгого перерыва качала пресс.

Но не давал ей покоя похитивший Алексея незнакомец. Как бы Маша не надеялась, но уснуть, пока она не выяснит все и не убедится, что никакой угрозы он не представляет, у нее не получится.

Поэтому, через силу улыбнувшись Вилене, Мария Игоревна решительно пошла в сторону кареты.

— Поехали к тебе, — сказала она с преувеличенным высокомерием, которое должно было обмануть финансовую бдительность извозчика. — Хочу тебя от господина похитителя освободить.

Хоть и чувствуя интуитивно подвох, мужик, подозрительно оглядываясь, залез-таки на свое рабочее место, и измотанные лошади тронулись в путь.

Москва просыпалась рано. Еще не смылась ночная чернота темно-синим осенним светом, ещё догорали фонари, слабо освещая пустые улицы, а уже раздавался звук метлы, с которым скребли тротуары суровые после короткого сна дворники, то здесь, то там хлопали двери торговых лавочек, открывала ставни заспанная прислуга.

Но Маша, задремав немедленно, как только карета выехала со двора ее гостиницы, ничего этого не видела. Быстрый беспокойный сон с тревожными картинками и полужнакомыми лицами из прошлого, которое будущее, и настоящего — которое прошлое, смешались, вызывая тоску и беспомощность — чувства Маше не привычные, странные и от этого вязкие.

И только за минуту или полминуты до того, как извозчик, натянув поводья, кликнул не слишком почтительно «Приехали, барыня!» и разбудил Машу, к ней подошел Николаев. Он не сводил с нее внимательного взгляда, а Маша, испытывая во сне перед ним вину, не могла найти силы опустить глаза. При этом она чувствовала какую-то животную радость, что хотелось улыбаться беззаботно и счастливо, как никогда прежде. Как полная дура, можно сказать.

А Николаев все стоял перед ней и никак не начинал целовать, хотя, очевидно было, что именно этого хочет Маша. Наконец, она не выдержала, и сама пошла к нему навстречу, но он покачал головой, отвернулся и двинулся в противоположном направлении. Маша как раз собиралась разозлиться и броситься в погоню, когда услышала зычное «Приехали!» — намеренно громкое, чтобы обязательно не дать ей догнать Николаева.

— Вот, божедурье! Ворота не запер! Гривенник увидел и пропал! Развисляй!

Не сразу Маша догадалась, что непонятными, но, думается, обидными прозвищами извозчик награждает дворника, чья комната стала пристанищем для их пленника. Видимо, на радостях от незапланированного дохода, он пренебрег своей работой, не запер ворота с вечера, а по утру также не спешил исполнять своих прямых должностей обязанностей.

И неудивительно. Когда карета беспрепятственно въехала во двор, дворник обнаружился у крыльца спящий под теплым ватником. Картуз его валялся поодаль в грязи, уже затоптанный впотьмах кем-то из припозднившихся жильцов. От неудобства, вызванного необходимостью спать на студеной земле, он время от времени ежился.

— Разбудить его? — спросила Маша, спустившись на землю.

Извозчик только махнул рукой.

— Разбудишь его, как же! — опустил на корты, ловко обшарил карманы крепко спящего, извлёк ключи и передал их Маше. — На первом этаже его комната, в самом конце коридора. Только там поосторожнее ступайте — всякого хлама полно и крыса другая прошмыгнуть в темноте не побоится. Но вы же, барыня, крыс не опасаетесь?

Маша вспомнила лысый хвост, выскользнувший у нее из рук на Божедомке, и содрогнулась.

— А может проводишь? Вдруг дверью ошибусь? — спросила она извозчика чуть ли не заискивающе. Но тот замотал головой, кивая на дворника.

— Надо его в тепло отнести. Околет же. Жалко.

Маша недоверчиво скосила глаза на пьяного.

— Всю ночь лежал тут и ничего — не околет. Всего-то проводи меня до его двери, а дальше я уж сама управлюсь. Он же связан крепко? — этот вопрос ей следовало адресовать больше Алексею, так как извозчик не принимал в том экстренном мероприятии участия. Но Алешка уже, наверное, чаю напился и десятый сон смотрит. И Маша так могла бы. Немытое тело и вчерашняя одежда доставляли ей мучительные неудобства, а неуютная атмосфера темного двора сводила на «нет» ее недавнюю решимость.

Но извозчик был непреклонен. К счастью, у него хватило любезности раздобыть для Маши свечу, иначе ей пришлось бы пробираться по темному чужому коридору — можно не сомневаться, что грязному и вонючему — в крошечной тьме.

— Там на его каморке написано «Дворник», — крикнул ей в напутствие извозчик. — Я, когда тут управлюсь, к вам подойду. За деньгами.

— Угу, — мрачно кивнула Маша, заходя в дом. — Конечно, за деньгами ты точно подойдешь.

Предусмотрительно зажечь свечу на улице Маша не догадалась, и прежде, чем двинуться дальше, провозилась со спичками — то ли они отсырели, то ли руки ее плохо слушались от невольного страха перед неведомым. Уже двинувшись вперед по холодному коридору, до которого не добиралось тепло, из наглухо запертых комнат первого этажа, Маша подумала, что дожидаться Алексея было бы, без сомнения, разумнее. Но вероятность, что извозчик сдаст ее полицейским, куда без документов попадать совсем не хотелось, принуждала ее подавить страх и отвращение.

Правда, предсказания извозчика не сбылись, и ни одна крыса не сунулась Маше под ноги. Она чуть не споткнулась об оставленные возле дворницкой дрова, но это единственное печальное происшествие не испортило общего впечатления от в целом благополучного исхода ее непродолжительного путешествия.

Прежде чем вставить ключ в замочную скважину, Маша прислушалась, но не единого звука не доносилось изнутри. Пленник, очевидно, уснул. И ему можно только позавидовать.

Замок легко поддался, и Маша, подобрав юбки проникла в чужое жилище, отвоевывая при помощи свечи у непроглядной тьмы поочередно разные его участки.

Дворницкая была небольшой, и смело можно предположить, что даже если бы на улице светило солнце, свет от него сюда пожаловал бы в последнюю очередь, как подавание бросив жалкие остатки того, что в изобилие досталось другим жильцам.

Комната была обставлена столь скудно, без малейшего намека на уют, что будь у Маши время на размышления и любопытство к данному вопросу, навело бы ее на мысли об одиноче-

стве постоянного обитателя этой коморки. Но Маше было решительно все равно, есть ли у него штамп в паспорте (если таковой вообще ставили в девятнадцатом веке), поэтому она бегло и равнодушно скользнула взглядом по голому столу в центре, крошечному окну без занавесок, тумбочке с забытой на ней кружкой и задержалась на койке, с которой на нее, нахмурившись, смотрел НеНиколаев.

От огня свечи он зажмурился, но вскоре привык и вперил в Машу одновременно любопытный и настороженный взгляд. Бесстрашный взгляд. В этом взгляде было больше Андрея Александровича, чем всем остальном его облике. Рот незнакомца по-прежнему был закрыт кляпом, что несомненно доставляло ему немалые мучения, но он был слишком горд, чтобы просить пощады.

Поставив свечу на стол, Маша подошла вплотную к скрюченному на убогой дворницкой кровати джентльмену.

— Я сейчас вытащу тряпку. Если будете орать — вставлю обратно. И не мечтайте, что сможете меня одолеть, — предупредила она. В ответ получила преисполненный ледяного достоинства взгляд.

Этот не струсит, пожалуй. И все-таки Маша рискнула. Выдернула у него изо рта кляп и отошла сразу на безопасное расстояние.

На лице незнакомца отразилось непроизвольное облегчение. Поводив челюстью из стороны в сторону, он удовлетворенно кивнул, что сделать в его положении было не просто и спросил.

— Благодарю, — голос у него оказался очень низкий, но не противный. — Как зовут мою спасительницу?

Э, нет — так не пойдет. нахмурилась Маша.

— Это вы мне скажите, кто вы такой? Только честно, — добавила Маша строго.

Незнакомец хотел пожать плечами, но у него, конечно, не вышло. Все-таки Алексей поработал на славу.

— Мне нечего скрывать. Я горжусь своим именем, — с легкой порцией снобизма сказал он. — Меня зовут Федор Николаев. А теперь буду счастлив услышать и ваше имя.

Так она и думала! Еще один родственничек на их голову. От Николаевых у нее одни неприятности!

— Я в какой-то мере ваша родственница — Мария Глинская, — задумчиво соврала Маша. — Дальняя родственница. А вы Андрею Александровичу Николаеву кем приходитеесь? Братом, сватом, кузеном?

— Родственница, говорите, — задумчиво пробормотал Федор Николаев. — Значит, должны быть в курсе. Хорошо, я вам скажу — решился он. — Андрею Александровичу Николаеву я, вероятнее всего, прихожусь прапрадедушкой.

13 глава

Природа и воспитание наградили Машу Глинскую многими неприятными для окружающих качествами, однако тугоумие точно не входило в их число.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить в чем дело. Но и связанный собеседник ее, судя по всему, также не был обделен определёнными интеллектуальными способностями, потому как быстро заметил озарение и понимание на симпатичном лице, навестившем его в этот тёмный час.

— О, вижу, вы все поняли. Значит, я не ошибся, открывшись вам, — со стороны вполне могло показаться, что эти двое сидят не в мрачной и скучной по обстановке дворницкой, а ведут непринуждённую светскую беседу в княжеской гостиной.

Фёдор Николаев пошевелился, точно собирался отвесить даме поклон, а, может, даже припасть к ее руке, но тут же поморщился. Однако промолчал. Несмотря на взаимопонимание и вдруг открывшееся родство, он все же не стал просить её о пощаде.

Да и Маша не торопилась. Отчего это, скажите пожалуйста, родственник Николаева, если он является таковым (в чем она, признаться, не сомневалась, ведь стоило посмотреть на него, как разительное фамильное сходство не могло не броситься в глаза), зачем ему потребовалось подминать под себя беспутного Алешку вместо того, чтобы заключить того в крепкие семейные объятия?

— Допустим, — начала она, присаживаясь на стул, потрогав прежде брезгливо выдавшее не один тыл сидение. — Допустим вы предок Николаевых. Ну и мой, разумеется, — спохватившись, продолжила она самозабвенно лгать. — И давно вы прибыли в Москву?

Фёдор, видя, что даме не свойственно прописываемое ее полу сострадание, и она не планирует освободить его или хотя бы ослабить мучения, откинулся на койке и устроился, как можно, было при данных обстоятельствах, удобнее.

— Вчера. Я здесь со вчерашнего дня.

— Ого, — присвистнула Маша, — только вчера приехали, а уже злодейства совершаете! Недурное начало, мистер Николаев.

На лице Фёдора промелькнуло изумление, которое сменилось горделивой спесью.

— Между прочем, я принадлежу к одному из древнейших родов на Руси, и прошу обращаться со мной соответствующим образом.

— Да что вы говорите! — хмыкнула Маша. Она чуть не добавила, что никогда не слышала про славный род Николаевых. И в учебниках истории о них ни слова не написано, но вовремя прикусила язык. Кто бы он ни был, он ведь понятия не имеет, как и при каких обстоятельствах попала Маша в девятнадцатый век. — Откуда такие манеры, кстати? У вас там, в прошлом, сейчас не сладко, как я понимаю.

— Спасибо, — не меняя тона, ответил Федор. — Все уже спокойно. Хотя вы, конечно, правы. Детство моё могло закончиться непредсказуемо и преждевременно, но родители, все зная, благоразумно отправили нас с сестрами за границу. Пока царь Михаил не открыл новую главу в истории России.

Так вот откуда он такой утонченный! Значит, его особенные родители позаботились, чтобы их отпрыски не сгинули в Смутное время. Незапланированно, так сказать. Итак, Маша все верно определила. Фёдор Николаев прибыл в современную Москву (боже, как она уже заговорила, кто бы сказал ей об этом месяц назад!) из 1620 года.

— И все же, — начала Маша озвучивать волнующую её мысль. — И все же ваше западное воспитание не помешало вам наброситься на своего потомка самым варварским образом. Ведь если бы не я, вы так и до смерти могли забить бедного Алексея.

— Господь с вами, — отмахнулся Фёдор, а на его лице появилось вялое подобие улыбки. Иронической ухмылки даже, если быть точными. — Мои навыки в рукопашной битве без всякого труда позволили бы свернуть ему шею в первую же минуту боя. Но нет! У меня и в мыслях не было убивать этого мальчишку. Я только защищался. Кроме того, — Федор выразительно поднял брови. — Кроме того, он собирался бежать, что совершенно не входило в мои планы.

— Да зачем вам вообще потребовалось похищать его, не понимаю, — воскликнула Маша, вскакивая. — Я своими глазами видела, как вы затащили его в свою карету.

— Правильно, — легко согласился Фёдор Николаев. — Мне надо было прояснить ситуацию. Дело в том, что, прибыв на место, я немедленно отправился по адресу, где меня должны были встретить, обогреть, накормить и дать напутствие, а вместо этого...

— Что? — нетерпеливо перебила Маша. — Вас не накормили? Баню не затопили? Не съели, в конце концов?

Фёдор не заметил иронии в ее голосе.

— Меня не пустили на порог! — с возмущением воскликнул он. — Старик вышел к ограде и велел мне убираться. Сказал, что я ошибся адресом, и мне лучше связаться с кем-нибудь из Николаевых. Но я не мог ошибиться! Это исключено.

Маша хмыкнула.

— Оригинальный у вас, однако, способ заводить знакомства, — прокомментировала она. Но и тут пленник оставил её сарказм без внимания.

— Я должен был объясниться. Когда старик ушёл, так и не впустив меня в дом, я завел знакомство с одним из слуг и выяснилось, что в доме гостит молодой барин Алексей Николаев. Но чтобы уж мне не оказали столь же неласковый прием, я решил прежде сам потолковать с ним на нейтральной территории...

В этот момент, на самом, можно сказать интересном месте, дверь дворницкой приотворилась и на пороге возник уже всем хорошо знакомый извозчик.

Лица его Маша видеть никак не могла, так как он в отличие от нее передвигался (и без труда!) по дому в темноте, но сразу узнала голос, с которым буквально породнилась за прошедшую ночь.

— Все, сударыня. Сегодня больше уже никуда вас не повезу. Я и лошадей уже распряг. Извольте расплатиться и покончил на этом.

Не ожидавшая такого прозаичного поворота событий Маша в растерянности оглянулась, ещё раз пожалев, что не захватила чего-то мелкого из наследства Агафы.

Однако ни один из углов темного одного жилища не дал ей ответа на вопрос, о котором она до поры до времени предпочитала не думать. С койки на Машу с интересом смотрели глаза Фёдора. Маша подошла к нему, наклонилась и шёпотом спросила на всякий случай.

— А у вас нет денег?

Но ответить Федор не успел, так как несмотря на принятые Машей предосторожности, извозчик услышал каждое её слово.

— Я так и думал, — мрачно сказал он и развернулся на сто восемьдесят градусов.

Как ни жалко выглядели её попытки, но Маша попыталась оправдаться.

— Я забыла кошелёк дома. Честное слово, — кричала она, бросаясь следом. — Отвезите меня домой, и я вам все отдам. Неужели вы не верите слову благородной дамы?! Это, простите, слишком.

Последние слова она говорила уже двери, захлопнувшейся у неё перед носом. Следом два раза повернулся оставленный в замочной скважине ключ.

— Эй, ты спятил что ли, холоп? А ну немедленно дверь открой! Быстро, я сказала.

— Плохая тактика, — прокомментировала Федор, но Маша, не обращая на него внимания продолжала колотить в уже заботливо запертую дверь.

— Отопри, живо, болван неотесанный! Идиот! Что ты себе позволяешь!

Однако шаги тюремщика удалились, а сам так и не сказал Маше ни слова.

Позади, с койки, раздался громкий смех.

— Забавно, черт возьми, все обернулось. Располагайтесь поудобнее, сударыня. Теперь мы с вами оба пленники. Хоть кто-нибудь знает, где вы?

14 глава

Только Алексей. Но этот уж точно не бросится, сломя голову, на выручку.

Свеча, которой извозчик снабдил Машу, отправляя в тюрьму, горела еще час. Затем пленникам пришлось довольствоваться скудным, жадным светом осеннего солнца, которое неохотно освещало бедную комнату сквозь узкое оконце.

Ещё какое-то время Маша криками, ругательствами, которые вылетали, скорее, от страха, чем в следствие окончательной испорченности ее натуры пыталась вернуть и образумить извозчика. Но ни он, ни остальные обитатели сего мрачного места не спешили ей на помощь. Извозчик ушёл, неведомо куда, а жильцы, привыкшие, очевидно, к ежедневным крикам, дракам, семейным и пьяным разборкам, решительно не обращали на Машины вопли никакого внимания.

Тогда Маша, игнорируя призывы Фёдора Николаева образумиться, вести себя достойно, а лучше сеть и спокойно обдумать сложившееся положение, попыталась сначала выломать дверь, а затем, подвинув стул к высокому окну, оценить возможность побега. Лишь после этого она обессилила и утомилась.

Но успокоилась лишь ее утомленная физическая оболочка — мозг продолжал лихорадочно соображать, а душа негодовать.

— Если он отправился за полицией, мы пропали, — говорила она вслух, но больше сама с собой, нежели с Федором, который, тем не менее, внимательно её слушал. — Ни у вас, как я понимаю, ни у меня нет документов при себе. Вас ими должен был снабдить местный родственник и кинул, — Федор кивнул, подтверждая ее выводы. — А у меня... я в спешке забыла их в номере. Если нас задержат, никто уже не сможет нас выволить из тюрьмы. Значит, — Маша огляделась с безумием в глазах, как человек нашедший решение давно мучавшей его задачи. Так, по крайней мере, оценил её взгляд Федор. — Значит, надо драться. Сейчас, — она вскочила. — Сейчас я вас освобожу. И без глупостей, — добавила она строго. — И вместе мы как-нибудь одолеем их. Понимаете, — Федор оставил попытки вставить слово и лишь с интересом наблюдал, как Маша неистово борется с узлами, которые уже не только натерли места, с которыми соприкасались, но и почти обездвижили его тело. — Нам никак нельзя попасть к ним в лапы. Понимаете?

В первый раз она обратилась непосредственно к Фёдору, ожидая ответа, и он, чтобы не разочаровывать её, кивнул, хотя далеко не все понимал в ее речах. Узлы, наконец, поддались, и Федор застонал, когда кровь уже беспрепятственно потекла по его жилам.

Сесть у прадеда Николаева получилось не с первого раза, но через несколько минут он смог свободно пошевелить руками.

— Вставайте! Чего разлеглись?! — приказала Маша, не обращая внимания на его искривленное от боли лицо. — Вам надо размяться. А я пока поищу воды. Должна же быть здесь вода!

После тщательного обыска вслепую Маша обнаружила не только полкувшина воды, но и кусок тёплого сала, четвертинку хлеба и сырой картофель, который, правда, отложила в сторону.

— Вы проголодались? Есть немного еды, — спросила Фёдора Маша. Но тот, едва взглянув на пищу, которую Маша ему протягивала, поморщился.

— Неужели вы стали бы это есть в самом деле!

Маша пожала плечами.

— Если бы от этого зависла моя жизнь, то стала. Впрочем, — она отложила угощение в сторону. — Теперь и я не так голодна. А вот вам, господин Федор Николаев, надо срочно восстановить силы, — в ответ на его вопросительный взгляд Маша пояснила. — вы, кажется, говорили, что прекрасно владеете рукопашным боем. Вот и покажите, на что способны.

Фёдор повел плечами и опять поморщился. Он сейчас точно не лучшей форме. И Маша, стоявшая неподалёку, наконец, заметила его сомнения.

Так. Она огляделась ещё раз. Никак нельзя получается полностью положиться на его силу. Нужен план «Б».

Маша не сомневалась, что извозчик с полицейскими или без них вернется в самое ближайшее время. Дворник скоро придёт в себя и потребует обратно свою халупу. А это значит, что надо быть готовыми каждую секунду. Хоть прямо сейчас.

— Помогите мне, — скомандовала Маша, переворачивая единственный в дворницкой стул кверху ножками. Фёдор, хотя ему и не понравился её тон, неохотно повиновался.

— Что вы задумали? — спросил он, придерживая днище стула и наблюдая за тем, как Маша упорно, но без особого успеха пытается отломить ножки.

— И так ведь очевидно, — процедила Маша сквозь зубы. Ее физическая беспомощность угнетала и раздражала ее. — Да сделайте же что-нибудь! — воскликнула она в сердцах. Фёдор пожал плечами. Быстро, без труда отломал он все четыре ножки.

— Теперь что?

— А теперь.., — Маша замерла. В коридоре раздался шаг — кто-то направлялся напрямиком к затерянным во времени и пространстве узникам. — Он возвращается! — возбуждено прошептала она, прикладывая палец ко рту. — Не пойму один или нет, но с этим мы потом разберёмся. Я встану за дверь, — и она немедленно засела в засаду, откуда уже сказала. — А вы стойте там, — кивнула на противоположный дверной косяк. — Как только он войдет, положим его и сбежим. Положим всех, кто сюда войдет!

Маша не ошиблась. Кто бы там ни был и в каком количестве, остановился он прямо перед дверью, где с обеих ее сторон затаились путешественники во времени.

Раздался шорох.

Копается в карманах, ищет ключ, предположила Маша.

И тут же в подтверждение её слов найденный ключ был вставлен в замочную скважину.

От волнения и переживаний пот выступил у Маши над верхней губой. Она успела отереть его тыльной стороной ладони — той самой, в которой была крепко-накрепко зажата ножка от стула — как дверь с прилагающимся к жанру скрипом полетела в ее сторону, едва не припечатавшись в наклоненный вперед Машин лоб.

Не имея возможности видеть, что делает по ту сторону Федор, Маша, ошалеv от возбуждения и пролива адреналина, с криком «Ураааа!» налетела на вошедшего, едва его спина показала из-за двери.

Поскольку операцию по обезвреживаю тюремщика Маша проводила вслепую, закрыв для храбрости глаза, она с сопутствующей ей удачей запрыгнула на закорки неизвестному и, не переставая орать, стала лупить его палкой по бёдрам. Неизвестный кричал, издавал иные звуки, но скинуть с себя Машу, как ни пытался, не мог.

Напоминаю, что все это происходило за тринадцать лет до создания Николаем Васильевичем Гоголем его замечательного и ужасного «Вия». Однако же нельзя утверждать, что кто-либо из свидетелей Машиного марш-броска не поведал о ее подвиге одиннадцатилетнему Коле Яновскому. И тот, поражённый абсурдностью сцены, придумал вставить ее в свою ставшую знаменитой повесть.

Впрочем, все это Маша обдумала (а, вернее всего, забыла обдумать) уже позже. В момент боя все ее мысли были лишь о том, как вывести соперника из строя и бежать. Поэтому ещё какое-то время она по инерции колотила палкой по воздуху, когда сильные руки сняли ее со спины подвывающей от боли жертвы и прижали к себе.

— Пусти, пусти, пусти! — перешла на визг Маша, пытаясь извернуться и вырваться из железной хватки. Когда это не удалось, она стала пытаться достать палкой, которую по-прежнему держала в руках, до нового соперника, но тот оказался ловчее, улучил момент, вырвал

грозное Машино орудие и отбросил его в сторону. — Пусти, — сквозь злые слезы простонала Маша.

— Обязательно отпущу, Мария Игоревна. Как только минует опасность, что вы ненароком навредите себе, — и Андрей Александрович Николаев развернул ее к себе лицом. Маша чертыхнулась и облегченно обмякла в его руках.

— Вы-то откуда здесь, Андрей Александрович!? Но это хорошо. Это очень кстати, — и шмыгнула носом.

Николаев погладила ее по волосам так, что она этого и не заметила, глубоко и счастливо вздохнул, а потом приказал Алексею, который был немного занят очередной схваткой с праведом. — Заканчивайте. Нам всем надобно объясниться.

Надо и мне, дорогой читатель, объясниться, поскольку ни капли не сомневаюсь, что тысячи вопросов «как, откуда, каким образом?» вертится у вас на языках.

Извольте.

15 глава

Оправившись от изумления, вызванного загадочным исчезновением Елены Дмитриевны Рогинской, Андрей Александрович вышел из кареты и для верности несколько раз обошёл ее в надежде найти следы матери своей несостоявшейся невесты.

После тщетных поисков он оглядел опустевшую после отъезда второй кареты улицу и столкнулся лицом к лицу с Антоном Федоровичем Милосердовым, чья тоска по покинувшим его, пусть и временно, дамам отступила при виде странного поведения известного ему господина.

— Андрей Александрович! Вы ли это?

Николаев обернулся и, хотя с лица ещё не сошла растерянность, вежливо улыбнулся, как и положено особе его положения.

Родственники обменялись рукопожатиями, обнялись и незамедлительно прошли в дом, где Милосердов, не слушая никаких возражений Николаева, которому не терпелось начать поиски Марии Игоревны, усадил своего особенного во всех смыслах слова гостя за стол и кормил до тех пор, пока Николаев не попросил пощады.

Поговорить о волнующем Милосердова деле им удалось гораздо позже, когда Николаев, устроившись в лучшей гостевой комнате особняка, отведённой для него хозяином, спустился в библиотеку, где мужчины выпили за встречу и закурили.

Лишь теперь Антон Федорович, испытывая неловкость и невольное благоговение перед родственником (хотя тот и был почти вдвое его моложе) рассказал об опасном сближении Алексея Николаева и дочери его Поленьки.

Когда дело дошло до деликатного вопроса, Николаев вскочил и отошёл к окну. Еще не хватало, чтобы добрый старик заметил радость, озарившую его лицо при этой новости. Великолепно! Его ветреный брат увлёкся другой и более не будет для него соперником за сердце Марии Игоревны! Да и она избежит искушения увлечься им, пусть и не всерьёз.

Настроение его сильно улучшилось. Он даже расцеловал бы брата, окажись он перед ним теперь. Впрочем, возможно, скоро ему представится такая возможность.

Все еще стоя у окна, Николаев увидел знакомую фигуру, спешащую через аллею приусадебного сквера к главному входу.

Вскоре в коридоре послышались поспешные шаги, и Алексей без стука ворвался в библиотеку со словами.

— Вы все-таки отослали Полину Антоновну прочь! О, я несчастный! — и заломил руки над головой.

Погрузившись целиком в свое практически античное горе, Алексей не сразу заметил Андрея, с иронией за ним наблюдавшего.

Глаза братьев встретились в тот момент, когда Алексей всем видом своим и голосом выражал крайнюю степень отчаяния. Младший замер в том движении, в котором застало его неожиданное открытие, и только глаза, выпученные от неожиданности, жили самостоятельно от остального организма.

— Андрей! — обрёл Алексей, наконец, дар речи. — Как ты здесь? — внезапная догадка тут озарила его лицо, и он с негодованием повернулся к Милосердову. — Успели-таки наклеузыничать? — и не дав Антону Федоровичу произнести ни слова, продолжил с пылом. — Хорошо же! Но, знаете, что вам все равно не встать на пути истинной любви. Я найду Полину Антоновну, где бы она ни была, и буду драться с ее так называемым женихом, кого бы вы не определили на эту позицию!

— Помилуйте! — воскликнул оскорбленный в лучших отцовских и родственных чувствах Милосердов. — Да с чего вы взяли, милостивый государь, что у дочери моей есть жених?

Я уже имел удовольствие развеять ваши подозрения. Дочь моя — Полина Антоновна Милосердова — пока никому не обещана. Но и вам она не достанется, — взбунтовался тихий обычно старик. — Уж я об этом позаботился!

Алексей смерил его полным праведного гнева взглядом и принялся расхаживать по комнате, точно лев или тигр, только сейчас попавший в неволю.

— Так значит, она будет обручена в Петербурге! И в самое короткое время. Мне надобно срочно ехать за ней, Андрей, — Алексей вновь вспомнил о брате, который все это время молча, но с интересом, наблюдал за разыгрывавшейся перед ним сценой. — Андрей, мне нужны деньги! И не спорь, — хотя ни один мускул на лице брата не выдавал желание вступить в дискуссию. — Ты не встанешь, я знаю, на пути истинной любви. О, несчастный, если бы ты только знал, что это такое! — воскликнул он с преувеличенной жалостью в голосе.

Николаев горько усмехнулся.

— Ну, где уже мне, Алеша. Столь благородные чувства могут пылать только в твоей возвышенной душе. Однако же, — он вновь опустился в кресло возле камина и задумчиво посмотрел на огонь. — Антон Федорович коротко ввёл меня в курс дела. Не думаю, что дворянин и джентльмен будет гоняться за дамой против желания ее родителей, — произнося это, он испытывал укол совести, вспомнив собственную невесту, оставленную в имении.

Одним диким прыжком, который показал, что в данный момент Алексей меньше всего хотел быть дворянином и джентльменом, младший брат оказался возле старшего.

— Андрей! Все возражения Антона Федоровича сводятся единственно к тому, что он не желает видеть своим затем кого-то из нас — тех, кто обречен страдать и жертвовать во благо человечества, — произнес он с детства заученную фразу тоном ученика, неплохо зазубрившего урок. — Однако в книге нашей матери ясно написано, что Полина выйдет замуж за одного из нас! Она обречена вернуться в круг семьи и обелить имя своего отца!

— Позвольте! — ничего не понимая, крикнул Милосердов, но никто не обратил на него внимания

— Откуда ты знаешь? — прищурился Андрей. — Запись эта, если она, конечно, существует, должна была быть сделана недавно, раз объявления о помолвке ещё нет. Ты не мог её видеть никак.

Алексей ответил прежде, чем вспомнил обещание, данное Маше.

— Это все вышло случайно. Мария Игоревна...

Нет, он не остановился, вспомнив про данное слово. Его прервали. Андрей вскочил так резко и так неожиданно прижал его к стене, что продолжать не было никакой возможности.

— Когда ты ее видел? Она сама нашла тебя или...или это ты искал встречи?

— Да о ком ты? — искренне забыв о женщине, чье имя произнес вскользь, Алексей попытался вывернуться, но куда там — Николаев и пошевелиться ему не дал.

— О Марии Игоревне, конечно! Где она? Как?

Наконец, сообразив, в чем дело, Алексей уgomонился и рассеянно ответил.

— Она сама отыскала меня. Ей был нужен врач...

Ну как вы уже догадываетесь, дорогие мои, дальше Николаев брата уже не слушал. На ходу извинившись перед оторопевшим Милосердовым, он потянул Алексея к выходу.

— Говори адрес, показывай, куда ехать. Ты тут занят невесть чем, а Мария Игоревна больная, без помощи, одна...

Перед мысленным взором Алексея коротко промелькнул образ Марии Игоревны, хладнокровно связывающей незнакомца в карете. Больной и одинокой она не выглядела.

Уже по пути Алексею удалось втолковать брату, что врач был нужен не самой барышне, а кому-то из ее окружения. И совесть его чистая, ибо прежде, чем вернуться в особняк Милосердова, он нашёл доктора и отправил его к больной.

— Поэтому, где они живут, я не знаю, — развел Алексей руками.

Но Николаев соображал мгновенно.

— Едем к этому врачу. Он-то должен знать, где живёт его пациентка.

Молодой доктор только-только вернулся домой и поспешно раздевался, погрузившись в задумчивые мечты о постели, когда внизу раздался требовательный стук.

Минутная слабость посоветовала притвориться спящим, но молодой доктор даже не осознал, что подобная мысль могла прийти к нему в голову и, зевая, стал одеваться обратно.

Далее события развивались куда стремительнее, чем за всю предыдущую жизнь молодого доктора.

Едва он открыл двери, как неизвестный господин, позади которого мялся ночной гость, подхватил его под локоть и, что-то сбивчиво в большом волнении объясняя, поволок к карете.

Решив, что девушке, которую не более часа назад он оставил в вполне сносном состоянии, дающим надежду на скорое отступление болезни, стало хуже, или (ТТТ) она, не дай бог, и вовсе умерла, молодой доктор не стал спорить и сопротивляться.

Такой странной компанией они вскоре въехали во двор, где Мария Игоревна и ее компаньонки снимали комнаты. Практически одновременно показалась коляска уже знакомого нам извозчика, который, несмотря на проклятия и злость, щедро лившиеся, почти не переставая, в адрес Маши, которая по причине своей удаленности от места событий, не могла оценить его усилий, не отправился напрямик в полицию, а решил попытать счастья на месте постоянного жительства облапошившей его барыни.

Извозчик рассуждал так: прилично одетая госпожа (а Маша сохранила благородный вид, невзирая на странные события истекшей ночи) вызовет у полицейских больше доверия, чем не раз руганный ими за пьянку Василий.

Не успел он подумать, каким образом будет испрашивать долг с родственников дикой барыни, как, к своей радости, узрел вяло выползающего из богатой кареты Алексея, в котором узнал их ночного товарища.

16 глава

Мы избавим вас от описания бурных объяснений, результатом которых, помимо невероятной сдержанности Николаева, не ставшего, как бы ему не хотелось, портить физиономию Василия за все мучения, которые в данный момент претерпевала Маша, стало появление в дворницкой извозчика, получившего таки тумачков ни за что, ни про что, и счастливая встреча Николаева и Маши.

— Успокойтесь, — повторил Николаев, не глядя на брата и стараясь продлить этот миг, в котором он предстал перед Марией Игоревной освободителем, как можно дольше.

Шум позади утих, и тишину дворницкой нарушало только постанывание побитого Василия.

Маша, наконец, отошла от Николаева.

— И все-таки что вы тут делаете?

— Спасая вас, как и обещал.

— Звучит как финал романтического фильма.

— Я не смотрел таких фильмов, вы же знаете. И что следует обычно после подобных фраз?

Маша хмыкнула.

— Поцелуй крупным планом и титры. Но мы оставим кино незаконченным, как бы не возмущался любящий определённую зритель, — чтобы скрыть неловкость, Маша отвела от Николаева глаза и удивлённо воскликнула.

— Стоп! А где же Федор?

Действительно, Федор исчез. Как только Алексей отпустил его, он, воспользовавшись случаем, немедленно телепортировался, ибо, как и многие представители славного клана особенных семейств обладал до поры до времени этой ловкой способностью.

К большой удаче, извозчик, занятый своим здоровьем, не обратил внимание на способ, каким пленник номер один покинул ставшую такой популярной дворницкую.

В последствие он уверился, что похититель и, возможно, потенциальный душегуб бежал, чему легко было поверить. А после Василий и вовсе забыл об этом господине. До поры до времени.

— Так, — сказал через секунду Андрей, когда стало совершенно ясно, что на одного человека в тесной комнате стало меньше. — Удрал? Ничего. Там на улице, в карете, наш новый друг — доктор. Если он не уснул, а он все норовил это сделать покамест мы ехали сюда, то должен был видеть, в какую сторону он направился. Если, — Андрей неуверенно дернул плечом, — Если нам по какой-то причине нужно это знать.

Да, совсем забыла сказать. Николаевым было совершенно недосуг возвращать доктора домой, поэтому неожиданно для самого себя он уснул, наконец, не в своей постели, а в малопривлекательном дворе, забившись в угол чужой кареты. Поэтому при всем желании не смог бы помочь в поимке беглеца. Его теперь уже никакая сила не могла вырвать из цепких объятий морфея.

— Не, — покачала головой Маша. — я думаю, он телепортнулся.

— Хотите ли вы сказать..? — удивился Андрей, мгновенно соображая, что к чему.

— Именно. Он из ваших. Больше скажу — по его словам, он ваш с Алешкой прадед.

Та-та-та-дам. Маша выдержала замогильную паузу, полагавшуюся моменту.

Андрей Александрович и Алексей Александрович переглянулись, но не обнаружили в глазах друг друга интересующий их ответ.

— Тогда, — начал Николаев. — Тогда его исчезновение вызывает только недоумение

— Все его поведение вызывает недоумение. Особенно, если он тут по делам из прошлого. И наш родственник, — недовольно сказал Алексей, припоминая их ночное знакомство. Поймав вопросительный взгляд брата, он спохватился. — А, так ты же не знаешь. Но не здесь же пускаться в длительные разъяснения, право! Пойдём! Дома я все тебе расскажу.

Все трое уже были в дверях, когда позади раздалось возмущённое покашливание.

— Я, конечно, дико извиняюсь, господа, — начал извозчик с плохо прибитой годами природной вспыльчивостью характера, но его быстро перебила Маша.

— Я ему денег должна. Много, кажется. Я ваших местных расценок не знаю, но покатал он нас прилично. Еще и телохранителем поработал. И хотя, — Маша грозно на него уставилась. — Хотя он ничего не заслужил после своего отвратительного поведения, я бы все же с ним расплатилась. Ну, — Маша занялась. — В смысле, не я, конечно, — и она выразительно посмотрела на Николаева.

Тот, ни слова не говоря, вытащил банкноту, которая, судя по тому, как блеснули глаза Василия, превысила ожидания похитителя номер два и несостоявшегося вымогателя, и шантажиста.

Извозчик немедленно перестал страдать, зато спина его низко согнулась, а речь стала приторно- подобострастной, что абсолютно не шло его мощной фигуре.

Не разгибаясь, он проводил господ на улицу, проследил, как они благополучно расселись в экипаж, не потревожив спящего доктора, и укатили со двора. Лишь после этого он выпрямился в полный рост, сплюнул в сторону и, поклявшись, больше не возить одиноких барынь, отправился на поиски дворника в надежде, что тот сможет помочь ему стереть остатки безумного вечера и всей этой компании лекарством, которое тот принимал ночью. И, судя по всему, успешно.

Дверь дворницкой осталась не заперта. И если бы чья-либо любопытная физиономии проснулась хоть на момент внутрь, то леденящий ужас сковал бы его члены.

И не удивительно — никакие угодно крепкие нервы не выдержат зрелища, которое представало бы их взору.

17 глава

В абсолютно пустой комнате, не придерживаемый ничьей заботливой рукой, парил в воздухе кувшин с недопитой недавними пленниками водой.

Кувшин повисел недолго, точно в задумчивости, затем сделал круг, поднялся чуть выше, завис, и почти без промедления со всей яростью, на которую была способна Елена Дмитриевна полетел в единственное оконце, которое легко разбил. Стекло колючими слезинками осыпалось вниз на влажный от пролитой воды пол.

Не уgomонившись — на ум сразу пришло сравнение с неугомонным духом, что не так далеко было от истины, — невидимая обычному глазу Рогинская перевернула все, что не успела сломать Маша.

Затем злобное шипение, от которого у самых смелых волосы встали бы дыбом, разнеслось по комнате и выползло змеей в коридор.

И самые чуткие уши наострились, услышав этот потусторонний холодный и ничего хорошего не предвещающий звук.

Но, когда они выглянули в коридор, все уже стихло. А сама Рогинская была далеко. Ей надобно было срочно вырвать из деревенской неги безвольного мужа, глупую дочь, которая при всей своей красоте не смогла удержать мужчину, а заодно и заносчивую маменьку жениха.

Пришло время устранить, наконец, все препятствия и довершить то, что должно было случиться, кабы не абсурдные обстоятельства, кои Елена Дмитриевна собиралась легко побороть. Этот ребенок родится, чего бы ей то не стоило!

А Федор действительно телепортировал. Но, зная, что ежели тратить силы попусту на дальние путешествия, то она иссякнет быстрее, перенесся лишь за угол двора, куда ночью его привезли обездвиженным пленником.

Спрятавшись так, чтобы родственники не могли его увидеть, он наблюдал за дорогой, попутно размышляя, как ему быть дальше.

Первая встреча разрушила его первоначальные планы, а жизнь в семнадцатом веке научила не доверять никому, а уж тем паче самым близким и друзьям. Он помнил напутствия отца, но старик не мог знать, как сильно изменится нравственное состояние человечества за прошедшие с его рождения двести лет.

Что связывало Фёдора с теми людьми в темной комнате кроме родственных уз, которые он по своему желанию мог прервать? Смешно, они эти благородные мужи даже не задумывались, в какой степени зависят от его права жениться или не жениться на Алёне Волковой. А ежели она умрет за время его путешествия в будущее? В его время молодые девицы мрут как мухи, а семья его не обладает силами Господа, чтобы предотвратить все, что происходит по воле случая — коварного противника Бога.

Федор от рождения был наделен пытливым умом, а детство, проведенное у свободомыслящих родственников за границей, заложило в его голову мысли, от которых батюшка, пожалуй, пришёл бы в ужас и потащил его в церковь на покаяние.

Однако же вот они. Из арки бодро выскочили лошади, потянув за собой экипаж, в окне которого Федор заметил лицо девицы, которая поразила его сегодня. Этот интерес удержал его в плену дольше, чем он собирался. Что-то в ней было свежее, не Николаевское, и он подумал, что она лжёт, называя себя его родственницей. Нет, тут что-то другое, и Федор должен непременно это выяснить. В любом случае, ему необходимо понаблюдать за этими людьми, и, если его опасения первого знакомства окажутся безосновательными, познакомиться с ними как следует.

Пассажиры кареты, уносящейся прочь от их прадеда, не подозревали, какой чести удостоится в самое ближайшее время, и приглушенно, чтобы не разбудить молодого доктора, говорили о том, куда ехать и где теперь жить Марии Игоревне.

— И не вздумайте спорить, — безапелляционным тоном отрезал Николаев, когда Маша поинтересовалась, куда они направляются теперь. — Мы едем ко мне. Вернее, в дом моего добрейшего родственника Антона Федоровича Милосердова. Я лишний раз убедился, что вас ни на секунду нельзя оставить без присмотра. Вы, Мария Игоревна, так и норовите причинить себе вред.

В душе Маша ничего не имела против смены места жительства, но после того, как первая радость от встречи с Николаевым прошла, она вспомнила, почему покинула его ранее. Впрочем, теперь, когда она добралась до Москвы, ничто уже не сможет помешать ей выбраться из девятнадцатого века тоже. Хотя, по правде, единственный, кто мог действительно повлиять на ее решение был именно Николаев.

— Хорошо, — согласилась она, поразмыслив таким образом какое-то время. — Я, пожалуй, была бы круглой душой, если бы не воспользовалась столь заманчивым предложением. Но у меня есть два условия.

Николаев, не забывая, с кем имеет дело, подозрительно на нее посмотрел.

— Это какие ещё? Мария Игоревна, вы не в том положении, чтобы диктовать мне условия. Чай, не двадцать первый век на дворе, — сказав это, он внимательно посмотрел на доктора, о присутствии которого забыл на какое-то время, и успокоился — молодой человек продолжал крепко спать, уложив голову на плечо его брата.

Маше надо было не много.

— Первое условия я озвучу сейчас же. А второе..., — она помолчала. — О второй просьбе, я скажу потом — тет-а-тет.

Николаев, хоть и почувствовал любопытство и тусклую надежду, сквозившую в самом слове «тет-а-тет», не возражал подождать.

Удовлетворённо кивнув, Маша потребовала, чтобы они немедленно вывезли Агафью и больную Дарью из той кошмарной гостиницы, за которую они, кстати, ещё должны расплатиться. За целых три дня.

Это просьба показалась Николаеву само собой разумеющейся, и он немедленно велел кучеру ехать по предыдущему адресу.

На месте Николаев, не рискнул отправить Машу на сборы одну, опасаясь, что она изыщет способ снова от него сбежать, чего он никак не мог допустить, и последовал за ней.

Я не буду описывать тёплую встречу Агафьи и Андрея Александровича, испуг при виде господина Дарьи, которую Николаев поспешил уверить в полнейшей ее безопасности, торопливые сборы нехитрых пожитков беглянок.

Скажу лишь, что Николаев расплатился за гостиницу сполна, а Маша не удержалась и на прощанье, когда Андрей Александрович отвернулся, показала хозяину язык.

Доктора разбудили возле его дома. Спросонья он мало понял, как провел эту ночь, но с большим удовольствием покинул странную компанию. Поскольку нам больше никогда не случится снова встретиться с ним на страницах этого романа, скажу лишь, что в будущем он стал очень известным врачом, снискавшим популярность успешным лечением пневмонии.

Ну да забудем о нем, ибо куда интереснее, как воспринял приезд сильно расширенного состава родственников Антон Федорович Милосердов.

А вот этого мы никогда не узнаем, потому что, испытывая уважение и трепет перед Андреем Александровичем, он и бровью не повел, давая распоряжения слугам устроить новых гостей.

Наконец-то Маша добралась до кровати. Она решительно отказалась от горничной и завалилась спать прямо в одежде. Ну нет сил у нее избавляться от этих всех юбок и панталон.

18 глава

Проспала Маша до самого ужина. Проснулась в полной темноте, жестоко вырванная из славного сна, в котором она лежала на надувном матрасе в бассейне на итальянской вилле своей сестры, холодом, который к вечеру на цыпочках проник в нетопленную комнату.

Не открывая с досады глаз, Маша подумала, что надо уговорить сестру выехать в Италию раньше, чем обычно, и стала водить по ночному столику рукой в поисках лампы. Но вместо этого нащупала колокольчик.

«Что это?» — рассердилась Маша. Опять племянники без спросу заходили в ее комнату. Только когда же она успела приехать к сестре? Дома ж вроде была.

С сонной рассеянностью Маша позвонила в колокольчик. Не прошло и пяти минут, как в комнату молодой женщины стала ломиться служанка.

Тут Маша с жестокой беспощадностью вернулась в настоящее. Которое прошлое.

Служанке пришлось повозиться, чтобы привести Марию Игоревну в приличный для ужина вид. Даже при тусклом свете свечей, незамедлительно зажженных горничной в Машинной спальне, были видны красные глубокие полосы от подушки, в которую Маша уткнулась и без движения пролежала вплоть до своего пробуждения.

Но даже после всех служанкиных трудов Маша спустилась в столовую, где её уже ждали джентльмены, разбитой, уставшей и вовсе не ощущавшей себя красоткой.

Разговор за ужином не клеился. Каждый из присутствующих напряжённо думал о своём. Кроме, пожалуй, Маши. Она от души нелегала на еду и вино, избавляя себя вовсе от необходимости говорить.

На вино она набросились даже со слишком большим усердием, что не укрылось от обеспокоенного взгляда Николаева, пару раз видевшего Машу прежде навеселе. Однако он не смел остановить её и только мрачно наблюдал, как Мария Игоревна целенаправленно надирается.

К тому моменту, как ужин был окончен, Маша достигла худшей своей кондиции, в которой щеки её краснели, глаза начинали блестеть, а язык жить отдельно от мозга.

Николаев понял, что от беды подальше девушку надо уводить прочь от гостеприимного хозяина.

— Мария Игоревна, — заговорил он с ней мягко. — Вы желали поговорить со мной сегодня. Не лучше ли сделать это прямо теперь?

Маша великодушно не стала противиться и, откланявшись чуть эмоциональнее, чем следовало, перед хозяином, позволила Николаеву увести себя в библиотеку, где приветливо хрустел огонь в камине, а свечи сохраняли умиряющий полумрак.

Усадив Машу в кресло, поближе к огню, Николаев, который сомневался, что разговор сегодня у них сложится, и выбрал этот предлог с той лишь целью, чтобы увести ее из столовой, отошел к закрывающим всю стену книжным полкам безо всякого, впрочем, определенного намерения.

Он рассеяно погладил потрепанные корешки и уже хотел, было, предложить Марии Игоревне отложить беседу до завтра, но, обернувшись, обнаружил, что она стоит прямо за его спиной.

Её лицо, ещё пуще покрасневшее от огня, находилось в каких-нибудь тридцати сантиметрах от его собственного. Бежать было некуда, да он и не собирался. Волнение от её близости точно парализовало его, а прежние мысли не докучать девушке своими чувствами в миг улетучились.

Но прежде, чем он собрался открыть рот, Маша опередила, положив ладонь на его щеку, с пробившейся за день щетиной.

— Какой вы все-таки классный, Николаев, — чуть пьяным голосом отвесила она ему комплимент. — И красивый. Почему я раньше, там дома, этого не замечала? — Николаев сразу понял, что под домом она разумеет свой двадцать первый век. — Хотя нет, вру, — хихикнула Маша. — Все я замечала. Это ты на меня внимания не обращал. Чтобы я ни творила, не одобрял, но молчал. Как же ты меня бесил! Как же ты меня бесишь теперь, — но руки с его щеки она не отняла. — Так бесишь, что я тебя, кажется, люблю. Но замуж не выйду.

Николаев все еще не двигался. Он не верил своим ушам, боялся спугнуть поток Машиного красноречия и недоумевал относительно последних ее слов, которые, не смотря на сладость первой части, неприятно ранили второй.

Не обращая внимания на его молчание (а, может, не замечая его вовсе) Маша, выпалив признание как на духу, взяла паузу, а пальцы её, тем временем, начали неспешную прогулку по его лицу. Добравшись до губ, они замерли, не представляя, кажется, какое воздействие оказывают на совершенно потерявшего голову Николаева. Единственное, эти коварные пальцы окончательно лишили его дара речи. И он не сказал, первое, что пришло на тот момент в голову, чему в последствие был рад. Кровь бурлила нем, как в жерле вулкана, то приливая к щекам, то делая его совершенно бледным.

— Вам нечего сказать, — улыбнулась Маша и невероятным усилием воли подавилась пьяную икоту. — Я вам тоже теперь нравлюсь, я знаю. И хоть раньше вы ничего кроме презрения ко мне не испытывали, то сейчас я вас хоть немножечко, да и интересую. Женщины такое видят, — кивнула она, не обратив внимание, как в его лице вновь произошли перемены. Оно запылало не то от злости на ее недалекость и недогадливость, не то невозможности больше контролировать свой внутренний вулкан, который с тихим рычанием под воздействием ее пальцев стал прорваться наружу. Да с чего она взяла, что он презирал и ненавидел её когда-либо? Как может она не замечать, что слово «нравится» и в сотой доле не отражает тех эмоций, что она у него вызывает. Одни ее пальцы на его лице. Одно ее присутствие в комнате.

— Но поскольку, — глупая Маша упорно не замечала, что стоит на краю пропасти, которая в любой момент была готова проглотить её с головой, — жениться мы не можем никак. Это абсолютно исключено, — рычание усилилось, лава достигла её пяток. — Я уверена, это не помешает нам до моего отъезда приятно проводить время друг с другом. Учтите, — она посмотрела ему прямо в глаза, и только теперь обнаружила, что зрачки его расширились до такой степени, что стали чёрные и опасные как пантера, наметившая добычу. — Учтите, я далеко не каждому делаю такие предложения. Но отказать себе в этом удовольствие не могу. Вы тут победили. Маша вся ваша.

Она резко оторвала руку от его лица, обвила шею, и поцеловала так сильно, что он не выдержал, прижал её к себе и ответил на поцелуй со всей яростью сдерживаемой в эти минуты страсти.

19 глава

Но уже через мгновение он оторвался от нее и, ещё окончательно собой не владея, спросил.

— Мария Игоревна, я так понимаю, вы оказываете мне честь стать вашим любовником?

— Оказываю честь, все правильно. Радуйтесь, — с нетерпением подтвердила Маша и только хотела вернуться к прерванному занятию, как он её остановил.

— Я вынужден отклонить столь, несомненно, щедрое предложение, — и он отошел как можно дальше от нее. — Только позвольте узнать, почему вы отказываете себе в удовольствии стать моей женой?

Тут Маша все-таки не выдержала и икнула. Проводила его удивлённым взглядом, потом огляделась в поисках еще чего-нибудь спиртного. В углу стоял крупный темно-коричневый глобус, а Маша из кино знала, что именно в глобусах такого размера аристократы частенько устраивали бар.

Однако этот глобус не поддался на ее манипуляции и, к большому разочарованию, оказался обычным темно-коричневым глобусом.

Николаев обернулся, увидел её потуги, но не попытался вмешаться, что Маша про себя отметила, как очень неджентльменский поступок. Он же молчал, ожидая ее ответа.

— Николаев, — начала она решительно. — Зачем вам приспичило жениться на мне? Я далеко не подарок, у меня тонна вредных привычек — видите, и прибухнуть не прочь. Кроме того, не представляю, как буду терпеть кого-то рядом двадцать четыре часа в сутки. Да я этого кого-то возненавижу через неделю. Вам оно надо? Муж будет требовать верности, постоянства и домашнего уюта. Не спорьте, вы ещё тот педант. Короче, я давно поняла, что замужество не по мне, — и тут она добавила неожиданно без ерничества и сарказма, который сквозил в ее тоне каждый раз, когда она говорила о свадьбе. — Я не хочу компромиссов. Или так, чтобы мой брак был на сто процентов удачным, удобным, комфортным и по взаимной любви. Или никак.

— Но кто же вам сказал! — воскликнул Николаев, потеряв самообладание, и подбежал к ней, чтобы иметь возможность заглянуть в лицо. — Кто вам сказал, что наш брак потребует компромисса? Вы знаете, что я не равнодушен к вам, а вы... вы сегодня признались, что тоже питаете ко мне ответные чувства. Что в таком случае может помешать нашему браку стать счастливым?

Они вновь стояли в опасной близости друг от друга, но на этот раз Маша выстроила между ними преграду, избегая его взгляда.

— Я уже все сказала. Я никогда не выйду замуж. То, чего я хочу, не бывает. Считайте это моим капризом.

Николаеву захотелось схватить ее за плечи, как следует встряхнуть, чтобы она пришла в себя и поняла, наконец, какую чушь говорит, но он крепко стиснул зубы и убрал руки за спину.

— Кроме того, — сказала Маша, не подозревая, какой опасности избежала. — Любовь и брак на расстоянии невозможны. А между нами, как ни крути, двести лет. Я обещала позже сказать мое второе условие переезда под вашу опеку. И вот оно. Я нашла способ вернуться домой. Если я вам действительно дорога, помогите мне осуществить задуманное. Вы уже когда-то обещали, что поможете. И я лишь напоминаю об однажды данном слове. Верните меня домой.

Николаев изменился в лице и отвернулся.

20 глава

На протяжении всего последующего разговора Николаев, оставив светские условности и правила хорошего тона, говорил, не оборачиваясь к Марии Игоревне. Меньше всего он сейчас хотел, чтобы она прочитала, несмотря на свое «слегка весёлое» состояние, и верно истолковала, выражение его лица.

Как ни надеялся он на перемену, особенно после её признания, желание Маши вернуться осталось неизменным. А это значит, что ее любовь к нему не более, чем очередная прихоть избалованной богатой девочки, которая нет-нет, да проступала вновь на горячо любимого им лице. Она потеряла бы к нему всякий интерес, удовлетворив желание плоти, которое, быть может, и принимает за любовь.

Принимать и признавать этот факт горько, но все изменения, которые Николаев не мог не отмечать в Марии Игоревне, по возвращении домой исчезнут после первой же ванны.

А раз так, то и довольно об этом. Хватит мучить себя, питая ложные надежды. Она верно сказала — между ними слишком много лет, событий, морали, а, вернее, деградации общественного сознания.

В свою очередь, Маша смотрела на его прямую и решительно настроенную спину, и не понимала, какого дьявола он выпендриваться и отказывает себе и ей в чудесном приключении, которым могла бы стать их связь. В душе она не сомневалась, что его желание непременно жениться на ней связано лишь с условностями девятнадцатого века и недостатками его джентльменского воспитания. Вот его братец ни минуты бы не сомневался — схватил бы, что дают, а потом преспокойно женился по расчёту его особенной мамы. Безо всяких угрызений совести. По сути, рассудила Маша, не так уж много всего и разделяет псевдо благородный девятнадцатый век от свободного и развязного двадцать первого, где институт брака вскоре станет историей, которую будут преподавать детям в школе. Это только ее угораздило влюбиться в динозавра, умалишенного на все века Николаева.

— И что же за способ вы изыскали, Мария Игоревна? — раздался его спокойный голос. — Это открытие вынудили вас столь спешно покинуть моё имение? — не удержался он от вопроса.

— Отчасти, — не стала врать Маша. — Но в большей части. Я нашла запись о предстоящей помолвке кого-то из ваших. И должна успеть познакомиться с этими господами, и сестра на хвост жениху, когда он начистит лыжи в будущее.

— И как зовут молодых? — он не стал открывать, что уже располагает кое-какими сведениями на сей счёт, решившись услышать её версию.

Маша озвучила имена, одно из которых вызвало изумление Николаева.

— Полина Антоновна Милосердова! Вы уверены? Значит, брат не ошибся.

— Абсолютно, — подтвердила Маша.

— Но вы находитесь в доме ее отца! И последнее, что сделает этот человек, так это выдаст единственную дочь за кого-то из наших.

Маша пожала плечами. Подобные детали ее мало интересовали. Мало ли что предпримет эта девица, не спросив своего батюшку.

— За что купила, за то продаю. Но я не видела эту Полину за ужином сегодня? Где она?

— Все верно, — задумчиво протянул Николаев. — Ещё днем ее отправили вместе с матерью в Санкт-Петербург. Подальше от... Впрочем, неважно. Но, повторяю, она не обручена. Вы можете показать мне эту запись?

— Могу, — Маша хитро улыбнулась. — Для этого надо пройти в мою комнату.

Николаев сделал вид, что не понял намека. Маша настаивать не стала.

— Не помолвлены сейчас — обучатся в Питере, — Маша задумалась. — Они, наверное, ещё в дороге. Сапсан, как я понимаю, тут не ходит. Надо было Радищева внимательнее читать. Значит, если мы завтра с утра отправимся в путь, то всего-то на полсуток будем от них отставать. Агафья задержится здесь с Дарьей. А когда та совсем поправится, они нас догонят. Только денег им оставьте

Николаев не мог не оценить Машину предусмотрительность. И уверенность, что он, не мешкая, выполнит её распоряжение.

— Хорошо. Будь, по-вашему. Завтра с утра поедem в Петербург. И летите на все четыре стороны.

— Да нет, — Маша снова улыбнулась. — Мне надо только, чтобы меня до двадцать первого века подбросили. А там уж я разберусь.

— Не сомневаюсь, — Николаев, наконец, развернулся. — Тогда мы засиделись. Я провожу вас до комнаты.

Маша хмыкнула.

— Сама доберусь. Разве что вы передумали насчёт моего предложения, — однако как только она произнесла это, тут же покраснела, что в темноте укрылось от Николаева. Вот дура! Ну чего она навязываться? Действие алкоголя стало проходить. Маша была очень собой недовольна. Она трезвела.

— Я все же провожу, — холодно отрезал Николаев.

Они вышли, и Федор, наблюдавший за родственниками с улицы, отвернулся. Обладавший остро развитой интуицией он понял, что откладывать свой визит до завтра не стоит. Теперь он окончательно определился, с кем из семейства у него должен состояться разговор, и в каком ключе его надобно вести, чтобы вновь добиться, потерянного, было, по глупости доверия.

21 глава

Елена Дмитриевна ворвалась в столовую в тот неловкий для остальных момент, когда ее отсутствие было особенно незаметно.

Господа изволили обедать, и почти все, за исключением, пожалуй, Ольги Павловны были совершенно довольны молочным поросенком, которого хозяйка велела приготовить к дневному столу.

Даже Анна сошла вниз, как только окончательно убедилась, что ни Мария Игоревна, ни брат на данный момент не угрожают её душевному спокойствию.

Она была совершенно счастлива, что Рогинские вопреки её опасениям не покинули их дом, а это значит, что шанс осуществить смелые планы остаётся. Анна воспыкала надеждой и порозовела.

И как раз в этот миг всеобщего единения, который омрачала лишь глубокая морщина на бледном челе Ольги Павловны, стремительно, как фурия, как гарпия, как Медуза Горгона, наконец — прямо сквозь стекло ворвалась в обеденную залу Елена Дмитриевна.

Ничуть не озаботившись тем, что ее тайна будет раскрыта, она потому и не обратила внимание на визг прислуживающей за столом крепостной Насти и окаменевшей с куском поросянка за щекой Анны.

На крепостную Елена Дмитриевна, повиснув за спиной не скрывавшего досады мужа, которого раздражала привычка жены беспокоить его преимущественно во время трапезы, даже не взглянула. Но Анне бросила презрительно.

— Закройте рот, дорогая. Подавитесь. Не хотела вас пугать — хотя на самом деле плевать — но обстоятельства вынуждают забыть о правилах хорошего тона. Я требую, чтобы вы немедленно оставили ножи и отправились собирать вещи. Мы должны выехать не позднее сегодняшнего вечера.

Ольга Павловна неторопливо промокнула губы салфеткой, по которой медленно расплзлось жирное пятно, и встала, чтобы не смотреть на привидение снизу вверх.

— Павел Аполлонович, вам, как единственному между нами мужчине, придётся позаботиться о девке, — она кивнула на торчавшие в нелепой позе ноги Насти. — Ещё не хватало, чтобы она болтать стала. И так черти что соседи о нас судачат.

Проследив за взглядом Николаевой, Павел Аполлонович брезгливо передернулся.

— Голубушка, помилуйте. Да неужто у вас во всем поместье не сыщется человека, который ловко решит подобные проблемы? Не барское это дело, руки такой чёрной работой марать.

Но Ольга Павловна осталась невозмутима.

— Был такой человек, да помер. Пока равного ему не нашла, придётся вам руки все же испачкать, милостивый государь.

Немудрено было понять, что с последнего разговора с Рогинским Ольга Павловна многое передумала и теперь точно знала, с кем в этой семейке надо серьёзные дела обсуждать.

— Не изволите чаю с дороги? — вежливо осведомилась она у Елены Дмитриевны, но очнулась, сообразив, что представления не имеет, пьют ли привидения чай.

— Благодарю, — чинно кивнула Рогинская, выплывая из-за мужа и присаживаясь на свое обычное место. — Но чай нам некогда распивать. Вот когда все закончится, я надеюсь благополучно, мы с вами и чаю, и кофею отопьем.

— Нежели все так серьёзно? — нахмурился брови Ольга Павловна. — Я думала опасность миновала.

Очень неприятно было Елене Дмитриевне признавать свою ошибку, да делать нечего.

— Должна признать я недооценила распущенность этой девицы из будущего...

Анна ахнула, но куска не проглотила. Ольга Павловна также поразилась, но быстро взяла себя в руки.

— То есть... стало быть, вы в курсе... — протянула Ольга Павловна, а когда Елена Дмитриевна презрительно дернула тощими плечами, поинтересовалась. — И это известие никак не повлияет на ваши планы? — хотя ответ уже знала.

Елена Дмитриевна посмотрела на Николаеву так пронзительно, что не будь это Ольга Павловна, а какая-нибудь другая робкая особа, то Рогинская, должно быть без труда достигла самых потаённых уголков ее сознания. Однако же Ольга Павловна и бровью не повела. Впрочем, ничего другого Елена Дмитриевна и не ожидала.

— Странные вопросы вы задаете, Ольга Павловна, коли уже знаете, что мы, чего скрывать, обоюдно заинтересованы друг в друге. Когда дело сладится, каждый получит свое: вы — внука, который существенно поднимет ваш статус среди самых уважаемых семейств мира... я же... — тут она запнулась, открыв новые грани эмоциональности приведений. — Я тоже получу внука, — закончила Елена Дмитриевна, решительно задрав подбородок. Она так усердствовала, что едва ли улетела со стула, что укрепило Ольгу Павловну в мысли, будто мертвая родственница лжет.

Однако поразмыслить над причинами, которые руководят Рогинской, а заодно докопаться до их сути, Ольга Павловна решила потом, поле того, как им удастся соединить ее сбежавшего сына и Наталью Павловну законными узами брака, пока их смерть не разлучит.

— Значит, вы утверждаете, что, несмотря на отъезд госпожи Глинской, угроза в ее лице не миновала?

— Не миновала, дорогая моя, не миновала! — жарко воскликнул холодный призрак. — Ах, если бы мы только могли грохнуть мерзавку, но, увы, любезная Ольга Павловна, ваши методы здесь не годятся. Ни один волос не должен упасть с ее головы, но мы с вами, — тут она презрительно смерила взглядом мужа и дочь, как бы говоря, что толку от них, как от козла молока — так говорится? — Мы с вами должны поднатужиться, чтобы как можно скорее отправить ее скатертью домой, пока она — эта бесстыдница — не соблазнила нашего Андрея Александровича и не увела его с собой в будущее, — последнее слово она произнесла загробным, то есть собственно своим родным голосом.

Даже Ольга Павловна содрогнулась, не говоря обо всех остальных. Да что там Ольга Павловна! Даже более привычные к выходкам госпожи Рогинской Павел Аполлонович и Наталья Павловна — и те легко расстались с кровью в лице.

Анна, как онемела при явлении Елены Дмитриевны к обеду, так и оставалась в замороженном состоянии с куском свинины за щекой. А Настя, которая только-только начала приходить в себя, услышав завывание Рогинской, взвизгнула и снова лишилась чувств.

Чтобы справиться с собственными эмоциями Ольга Павловна зло бросила Павлу Аполлоновичу.

— Почему, милостивый государь, она еще жива? Решите уже теперь эту проблему.

22 глава

Предложение было заманчивое.

Елена Дмитриевна испытывала в этот момент неистребимую потребность сбросить напряжение последних недель самым кровожадным образом.

Увы, природой было задумано так, что, чувствуя, будучи мертвой, человеческие, а порой и нечеловеческие страсти и страдания, сама она никому не могла причинить ощутимого вреда. Когда родится ребёнок, тогда другое дело.

А пока приходилось сохранять в тайне свою немощность, чтобы держать в страхе и трепете тех, кто знал её секрет. Особенно мужа, который ненавидел Елену Дмитриевну со всей нежностью истинного труса.

Елена Дмитриевна посмотрела на бедное лицо супруга. Этот не способен на убийство. По крайней мере, пока. У Рогинской были все основания полагать, что Павел Аполлонович недооценивает свои таланты, и однажды еще покажет себя. Все мужчины его рода были такими. Сколько она их помнила.

— Позвольте мне высказать предложение, — обратилась Елена Дмитриевна к Николаевой. — Сейчас у нас решительно нет времени решать эту проблему. Мой муж, к большому сожалению, не способен ничего не сделать быстро и качественно — ни дочь замуж выдать, ни крепостную руками задушить. А задерживаться нам никак нельзя, сами понимаете. Возьмём девку с собой. Одолжите ее мне — в личные прислужницы. Я сама с ней разберусь. Когда время придет.

Искреннее выражение благодарности, несмотря на нелестные слова супруги, осветило лицо Павла Аполлоновича. Эта радость вызвала ещё большее раздражение у его жены.

— Довольно болтать! Наталья! — приказным тоном обратилась Рогинская к дочери. — Пусть слуги соберут самое необходимое тебе в дорогу. Все равно воротишься сюда хозяйкой скоро. Не жадничай.

Однако выехать вечером господам все-таки не удалось. Решили, к неудовольствию давно не испытывавшей усталости Елены Дмитриевны, заночевать в имении, а с рассветом тронуться в путь.

Анну мать оставила дома, одним взглядом остановив начинающуюся, было, истерику.

Настю до самого отъезда держали взаперти. Придя в себя, она всю ночь не сомкнула глаз, вспоминая ужас, виденный ею в столовой, и гадала, насколько оно было реально или привиделось ей от несвежести съеденных за завтраком щей.

О том, что ее отдали в услужение той самой барыне, внушивший ей своим внезапным и, мягко говоря, нестандартным появлением потусторонний ужас, Настя узнала позже — когда господа еще до рассвета отбыли в путь.

В это же самое время особняк Милосердова готовилась покинуть не менее веселая и разношерстная компания.

Ни Антон Федорович, ни Алексей и слышать не захотели о том, чтобы остаться в Москве и томиться неведение о судьбе любимой ими обоими Поленьки.

Кроме того, с утра в доме они обнаружили, к неприятному удивлению Алексея, ещё одного родственника, которого Николаев однозначно приказал принять и любить, несмотря на недавнее недоразумение.

Главный участник «недоразумения», а вместе с ним и Антон Федорович, узнавший в госте изгнанного пришельца из прошлого, дружно вспыхнули к новому попутчику чувством сроднившей их неприязни. Хотя тот, в свою очередь, вел себя скромно и изо всех сил старался произвести на родню благоприятное впечатление.

Пожалуй, единственный человек, который если не обрадовался, то, по крайней мере, не высказал неудовольствия относительно присутствия Фёдора, была, как ни странно, Маша.

Но хотя на скором отъезде в Петербург она настаивала более остальных, встать ранним утром по известным обстоятельствам ей было тяжело.

В результате настойчивых и лишенных намека на жалость усилий Вилены Маша кое-как выбралась из кровати в прескверном настроении, хотя ситуация складывалась именно так, как она того хотела.

Вилена без вопросов согласилась дожидаться в Москве полного выздоровления Дарьи, а потом незамедлительно отправляться следом за приятельницей.

Николаев сдержал слово и еще до Машиного пробуждения денег выдал ей денег на содержание и дорогу.

Вниз Мария Игоревна спустилась кое-как прибранная и злая, как черт. Прежде всего, на Николаева, чье присутствие заставляло ее чувствовать себя полной идиоткой.

Это ж надо было напиться и чуть ли не в наглую вешаться на мужика. Разве она, Маша Глинская, когда-нибудь так откровенно добивались интимного внимания мужчины? Да не в жизнь! Ее красоты, денег и лёгкого характера хватало на то, чтобы мужчины сами добивались ни к чему не обязывающей связи с весёлой красоткой. Тем более, что раньше Машины моральные принципы не мешали ей легко заводить романы с женатыми мужчинами, а потом так же просто их прекращать.

Раньше? Неужели это путешествие изменило ее до такой степени? Нет уж, дудки. Чем скорее она даст Николаеву понять, что вечернее происшествие не более чем нелепая выходка не контролирующей себя пьяной девицы, тем лучше. А то, чего доброго, действительно возьмёт себе в голову, что Маша в него влюблена.

Поэтому обнаружив в холле первого этажа скромно подпирающего стену Фёдора, она ухватилась за эту счастливую возможность отвлечь внимание Николаева от своей вчерашней выходки. Клин клином выбивают. А Фёдор показался ей чудесной кандидатурой на лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт.

Молодой человек, хоть и был формально старше Маши на четыреста лет, обрадовался ей, как доброму другу, с коим его связывало много незабываемых моментов (если выбросить из головы Машино на него нападение).

Разговор с Николаевым хотя и возымел ощутимый результат, не удовлетворил Фёдора. Андрей Александрович, внимательно выслушав про нелегкие испытания, которые выпали на долю родственника, обещал устроить его в Петербурге, снабдив деньгами и необходимыми связями. При этом дал понять, что, выполнив все формальные условия, не будет дальше иметь удовольствие сопровождать прадеда по девятнадцатому веку. А Федор убедился, что именно к этой ветви Николаевых ему нужно пристать намертво для дальнейших своих исследований.

Таким образом, внимание и ласковое обращение Маши оказалось, как нельзя кстати.

Что же касается до самого Николаева, то прадед ему не понравился почти так же, как и брату. Однако он не мог найти объективных причин своей неприязни, потому скрыл ее за обещанием помочь родственнику и вежливой полуулыбкой. Но дальнейшие события показали, что первое впечатление и собственная интуиция его не обманули.

Когда все вещи были уложены, а господа распределились по двум экипажам, где Алексей и Милосердов оказались вместе, Николаев после бессонной ночи собирался вздремнуть, отгородившись от Маши и Фёдора дорожным плащом. Но уснуть он не смог. Разговор, а, главное, манера, в которой этот разговор вёлся, напрочь лишила Николаева всяких мыслей обо сне.

Черт бы побрал эту невыносимую Марию Игоревну!

23 глава

Не успели они выехать за пределы Москвы, как Маша обратилась к Федору так непосредственно и легко, словно наконец-то нашла возможность продолжить давно начатый разговор (хотя вряд ли этой темы они касались, запертые друг с другом в грязной дворницкой).

— Значит, Федор... О Боже, мне ведь неизвестно ваше отчество! Как невежливо с моей стороны! Что вы должны обо мне думать! — шумно покаялась Маша.

Николаев, укрытый плащом, поморщился, не опасаясь, что выражение его лица заметят остальные (как будто этим двоим было дело еще до кого-то, кроме друг друга).

— Это моя вина, — услышал Андрей Александрович медовый голос Федора. — Я сам не представился вам должным образом, — судя по звукам, он попытался встать, но ударившись головой о крышу кареты сел обратно. В ответ послышался добродушный Машин смешок. Конечно, рассмешить барышню, расположить своей мнимой слабостью и неуклюжестью — это же азы флирта, и, по всей видимости, придумали их не в девятнадцатом веке. — Извините. Меня зовут Федор Николаевич Николаев, — как оригинально...

— Мария Игоревна Глинская, к вашим услугам, — «к вашим услугам»! — одними губами повторил Николаев, вытаращив глаза, просто не Маша, а английская фрейлина. — Значит, Федор Николаевич, — продолжила Маша невозмутимо. — Вы воспитывались за границей? А где именно? — о, вряд ли вы, уважаемая Мария Игоревна, бывали в тех местах, где рос этот Федька, пренебрежительно подумал о родственнике Николаев и тут же устыдился своего поведения. Он понимал, что с червяком ревности, проникшим ему в голову, надо бороться достойно, ничем не выказывая своих чувств, но тот, хитрый негодник, оказался лишь неунитоженной вовремя личинкой, которая с каждой минутой разрасталась все больше и больше, вытесняя все прочие важные мысли из головы Николаева.

— О, — улыбнулся Федор. — Я жил в разных местах: во Франции, в Англии, немного в Голландии. Но сердце мое неизменно рвалось на родину, в Россию.

— Как мило, — отозвалась Маша с улыбкой, чье сердце во время пребывания за границей никогда не рвалось не родину. — Должно быть, вы многое узнали за время ваших путешествий?

— Да, достаточно, — скромно отозвался Федор.

— Тогда, возможно, на правах родственника — я ведь могу вас таковым считать? — вы обучите и меня чему-нибудь любопытному из истории Европы. Например, старинным танцам?

— Танцам? Почему танцам?

— Ну представьте, — щебетала Маша, искренне надеясь, что ее Николаев не спит и слышит каждое слово. — Представляете, как мы удивим Петербург во время какого-нибудь шикарного бала своим умением танцевать исторические танцы?

Она просто откровенно флиртует с ним! В конце концов, это неприлично! Николаев уже был готов откинуть плащ, как Маша легко и грациозно перескочила через очередные светские условности. Аки лань.

— Боюсь, наша беседа мешает почивать Андрею Александровичу, — ого — проявила заботу? — Так что давайте я сяду рядом с вами, и мы продолжим наш увлекательный разговор об истории.

Прежде чем Федор успел ответить, а Маша перескочить на противоположную лавку, Николаев выпрямился не в силах уже скрыть гневный блеск в своих глазах.

— Мария Игоревна, как брат, настоятельно рекомендую вам остаться с этой стороне.

Маша с деланным удивлением посмотрела на него и хлопнула ресница (правда, «хлопнула» — это сильно сказано, ведь ненакрашенном виде хлопать особенно было нечем).

— Но, дорогой брат, Федор Николаевич тоже мой родственник — пракузен, можно сказать. Так что не вижу принципиальной разницы, с какой стороны мне сидеть?

— Вы останетесь здесь, — свирепо процедил Николаев, давая понять, что, если потребуется, он удержит ее на месте силой.

И Маша, почувствовав, что в самом деле разозлила его, успокоилась с удовлетворением. А ведь могли бы уже эту ночь вместе провести, если бы не ослиное упрямство кое-кого. Мучайся, Николаев, мучайся!

А кареты путешественников, тем временем, давно покинули напыщенный и величавый центр, миновали лениво просыпающиеся торговые ряды Земляного города, пронеслись мимо еще не до конца заточенной в трубу реки Неглинки, оставили далеко позади огороды и сады, с которых уже давно были собраны последние урожаи. Они выехали на неровную ухабистую дорогу, щедро удобренную грязью после шедших несколько дней дождей, ведущую к блистательной столице Петербурга.

Ехать предполагалось пятеро суток (о чем Маша, воинственно рвущаяся в путь, напрочь забыла). Однако плохая дорога, дождь, то и дело вынуждавший путников к незапланированным остановкам и частой смене лошадей, несколько затянули долгожданное прибытие в столицу.

Не будем тут подробно описывать печальную осеннюю природу на этом отрезке пути, унылые холмики и однообразный пейзаж. Если любопытно, просто выгляните в ноябре в окно, когда будете ехать на Сапсане в Питер, досадуя на утомительную дорогу. Посмотрите на дождь, достойный гения Тарковского, и вспомните бедную Машу, которой более пяти суток пришлось трястись в карете, отбивая себе все, что можно отбить и покалечить.

Не будем мы также говорить об удивительных людях, встреченных нашими героями в пути, ибо их не было. Если интересно, откройте прескучнейшего для современного читателя Радищева (впрочем, говорят, сам Пушкин зевал над его творчеством) и прочитайте подробный отчет о нравах, царивших в провинциальных городках между Питером и Москвой. Мало что изменилось к тому времени, как девятнадцатый век почтила своим присутствием Маша.

Остановимся, пожалуй, только в Твери, где и наши герои решили остаться на последнюю за это путешествие ночевку.

Мостовые старой Твери не сильно отличались от проселочной дороги, которая лишила Машу настроения и сил. Без особого любопытства выглядывала она в окно, и вдруг услышала позади истошный крик Алексея.

— Кучер, стой! Стой, негодяй, тебе говорю.

Маша оглянулась на Николаева, но тот уже давал соответствующие распоряжения их собственному кучеру.

— Что случилось? — спросил Николаев, выходя из кареты.

Но брат его не слушал. Выпрыгнув едва ли не на ходу, он помчался за двумя дамами, которые неторопливо прогуливались вдоль набережной в сопровождении высокого молодого человека.

— Полина, — воскликнул, вылезший вслед за младшим Николаевым Антон Федорович. Теперь и он узнал в гуляющих женщинах свою жену и дочь.

Вскоре компания воссоединилась. Молодой человек, бывший с дамами до появления Николаева и его друзей, смущенно отошел назад в ожидании, когда его представят. Он был высок, хорош собой и сразу привлек внимание падкой на красивых мужчин (ну, полюбоваться-то можно — кто запрещает) Маши.

— Ах, друг мой, господа — разрешите представить, — всполошилась госпожа Милосердова, вспомнив, что так и не познакомила мужа и его друзей с новым знакомым. — Этого совершенно замечательного человека мы с Поленькой встретили здесь, в Твери. Он буквально

наш спаситель. Верно, Поленька? — мать испытующе посмотрела на дочь, и Полина Антоновна густо покраснела, — прошу любить и жаловать — Владимир Леопольдович Зайцев!

— Как! — одновременно воскликнули Маша с Алексеем и переглянулись.

Оно! Свершилось. Вот и пересеклись дорожки Полины Милосердовой и ее будущего мужа (а не доверять теперь записям в книге Ольги Павловны Николаевой представлялось невозможным) Владимира Зайцева!

24 глава

Лицо Алексея покрылось красными пятнами, что часто случается с блондинами в состоянии крайнего эмоционального возбуждения. Хотя при данных обстоятельствах, скорее, потрясения. Особенные мучения ему доставило смущенное личико Полины и безмятежное непонимание в глазах Антона Федоровича.

Нет, сомнений быть не может, за эти жалкие сутки случилось нечто такое, что заставляет теперь Поленьку старательно прятать от Алексея взгляд и трепетать, аки лань при виде пренеприятного господина Зайцева.

— Счастлив с вами познакомиться! — едва ли не в первых рядах помчался жать руку новому знакомому Алексей. — Поведайте, сударь, что за услугу вы оказали нашим драгоценным дамам? — он отвесил поклон барыне Милосердовой. И Поленьке, которая на этот раз побледнела. — Я трепещу от волнения! — несмотря на возвышенный тон Алексею не удалось скрыть неприязнь, что не ускользнуло не только от пресловутого господина Зайцева, но и от Андрея Александровича.

Однако случай в Машином лице быстро удовлетворил его любопытство.

Не сводя восхищенного взгляда с высоченного красавца, Маша оставила Федора Николаева, чье лицо отражало меньше всего эмоций (разве что чуточку задумчивости, которая ему чрезвычайно шла) и подкралась к Николаеву.

— Это он! Слышите? Это же он! — в ее голосе прозвучало такое торжество, что Николаев сразу все понял. Сердце его грохнулось и больно ударилось о каменную мостовую.

Ну вот и приехали.

Не поворачивая головы, он процедил.

— Если вы не заметили, они только что познакомились. Вряд ли порядочная девушка выйдет замуж за первого встречного так скоро. Да и отец ее еще не дал согласия. Не забывайте об этом.

Он не видел, как отреагировала на его беспощадный в своей объективности ответ Маша. А Маша задумалась, но ненадолго.

— Вот мы и поможем им сойтись, как можно скорее. А вы уговорите этого милейшего дедушку не противиться счастью молодых. М-м-м?

Даже самый глупый человек, коим Николаев никаким образом не являлся, быстро сообразил бы, что Мария Игоревна своим вопросом поставила его перед трудным выбором, ведь помогая ей (а он обещал ей помочь!), ему неизбежно придется пойти против желаний брата. А только слепой не увидит, что Алексей не просто увлечен, а действительно влюблен в дочь Милосердова.

Таким образом, на набережной, где неожиданно для тихого провинциального городка столпилось столь внушительное количество благородных особ, образовалось сразу несколько неловких пауз. Всех спас Федор Николаевич, в самый неожиданный момент выйдя на передний план.

— Господа, думаю, что мы все с превеликим удовольствием послушаем историю знакомства господина Зайцева с очаровательными дамами, но не будет ли разумно сделать это в тепле за хорошим обедом? Уверен, наши спутницы уже проголодались.

Компания разом оживилась. И хотя Маша заподозрила, что в хорошем обеде нуждается прежде всего чрево самого Федора, против хорошего обеда возражать не стала.

И тут выяснилось, что путешественникам вовсе не обязательно искать место для ночлега, так как у господина Зайцева в Твери свой дом, в котором, по приглашению хозяина, остановились накануне мать и дочь Милосердовы.

Это известие окончательно развеселило Машу, которая уже пробовала, но не оценила трактирной еды. Жизнь обещала обнулиться и заиграть новыми красками.

Впервые за долгое время она не думала о предстоящей разлуке с Николаевым, так как приказала себе в этот день быть счастливой.

Тщетно будете искать вы у господина Радищева подробное описание старой Твери, а меж тем, только по воле случая не стал этот город столицей России. Но, конечно, к тому времени, как Маша заходила в гостеприимный дом Владимира Зайцева, пытаясь угадать поставили уже слуги обед или придется какое-то время томиться в ожидании, этот славный и по-прежнему красивый город, скорее, напоминал молодую, но уже отчаявшуюся выйти замуж девицу.

Однако эту девицу можно назвать вполне состоятельной и сытой. Торговля в городе процветала, развивалась промышленность, а культурная жизнь вращалась вокруг Путёвого дворца, где в начале века проживала сестра императора Александра I с мужем — тверским губернатором. Великая княгиня то и дело приглашала в свой дом на балы местное дворянство и купцов, чтобы те могли (дословно) «веселиться до упаду», звала в город видных в ту пору деятелей литературы и искусства, организовала местечковый литературный клуб. Эта традиция какое-то время просуществовала и после ее отъезда за границу, где она, выйдя второй раз замуж, скончалась в возрасте тридцати лет.

Среди других достопримечательностей города были открытые сравнительно недавно минеральные источники, которые вполне могли сделать этот Тверь великой здравницей Российской Империи, но судьба распорядилась иначе — источники постепенно приходили в упадок.

— А жаль, — вздохнул Владимир, и обернулся к слугам, чтобы распорядиться насчет комнат для новых гостей и... обеда.

«А жаль», — подумала Маша.

Как вы догадываетесь, именно Владимир стал кладезем всей этой бесценных информации, а вовсе не Машины феноменальные познания в истории России, как кто-то мог подумать.

Усадьба Зайцева, хотя и уступала московскому дому Милосердовых (не являясь, впрочем, единственной недвижимостью галантного красавца), имела прелестный небольшой парк, который даже в эту унылую пору завораживал и радовал глаз тех, чьи окна выходили на него.

Переодеваясь к обеду, Маша мельком глянула в окно, заметила несколько парковых скульптур, но больше любопытства проявила к выбору наряда. Сегодня ей непременно нужно блеснуть, чтобы расположить к себе хозяина и при возможности узнать его отношение к Полине Антоновне (о том, что барышня Милосердова испытывает к новому знакомому явную симпатию можно было и не гадать).

К счастью, Маша не успела привыкнуть к круглосуточному присутствию горничной, поэтому прекрасно собралась к выходу сама, соорудив на голове вполне приличную прическу — пусть не слишком актуальную для этого времени, зато изящно скрывающую сильно отросшие за время пребывания в прошлом корни волос.

Если так и дальше пойдет, скоро выпорхнут на всеобщее обозрение рано поседевшие прядки на макушке, и тогда уже она совершенно точно прослывет здесь старушкой. Вряд ли кто-нибудь тут оценит ее благородную седину.

Спустившись к обеду, Маша с приятностью для себя отметила, что ее усилия не пропали даром. Все мужчины, как она и привыкла, разом повернули в ее сторону головы, а кое-кто наименее стойкий даже покраснел.

Маша поправила пелерину, скрывавшую ее зазорные татушки и позволила Николаеву проводить себя к столу.

Обед хоть не был званым, в полной мере отражал желание хозяина поразить гостей, а еще (это Маша отметила про себя) намекал на благосостояние Зайцева. Подносы на столиках вдоль стен ломились от пирогов, сыра, фруктов и холодного мяса. На отдельном столике

завлекательно подмигивало пузырьками янтарное шампанское. Впрочем, ни то, ни другое не завоевало заслуженную популярность, так как одно за другими слуги стали вносить кушанья из основного меню.

Маша, памятуя недавние события, проявила благоразумие и отказалась от алкоголя, зато остальные позволили себе расслабиться, а поэтому разговор тек, как жидкий мед по подбородку.

— Дорогой, — жена Милосердова говорила, обращаясь к мужу, перед которым чувствовала себя отчего-то виноватой. — Я ничуть не преувеличивала, говоря, что Владимир буквально спас нас с Поленькой, — и она с улыбкой переглянулась с дочерью. — Мы же совершенно не планировали оставаться на ночь в Твери, но не прошло и часа, как мы покинули этот замечательный город, как наша карета лишилась колеса и съехала с дороги.

— О Боже мой! — воскликнул добрейший Антон Федорович. — Какое счастье, что с вами все в порядке! Я больше не за что не отпущу моих любимых девочек одних!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.